

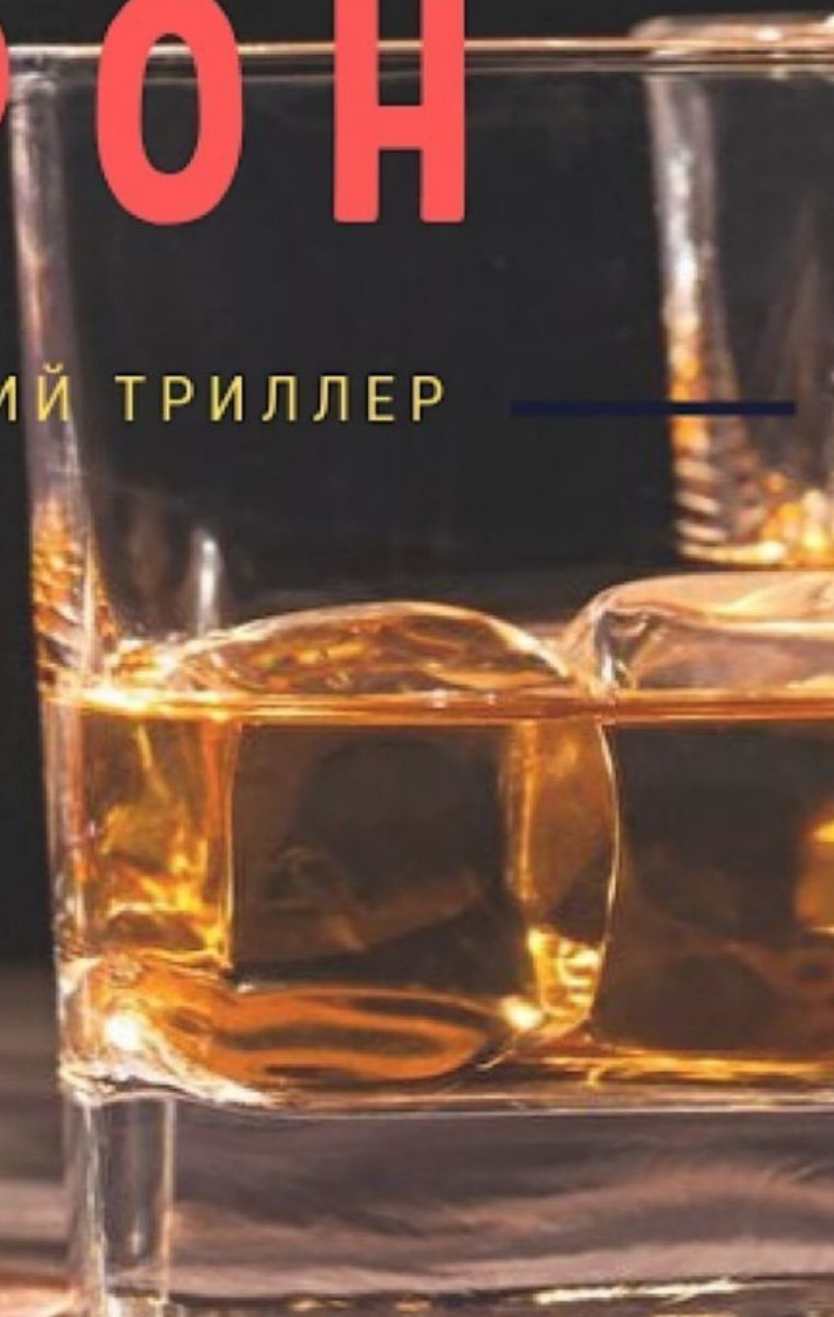
12 КРИМИНАЛЬНЫХ ИСТОРИЙ

ВЛАД РЕВЗИН

КРОН

ОДЕССКИЙ ТРИЛЛЕР

Влад Ревзин

Крон

«Издательские решения»

Ревзин В. Е.

Крон / В. Е. Ревзин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968344-1

Одесса, середина нулевых годов. Интернет-журналист с телевизионным прошлым Евгений Крон, журналистка Александра и редакция «Журналистского расследования» выпускают Слежка, запутанные версии, уголовщина и политика; чуть-чуть сарказма и немного самоиронии... Крон — старый холостяк. Вся семья — любимая ротвейлерша Долли. Работа 24/7, так что любимый город может спать спокойно. 12 историй, 12 загадочных дел, 12 расследований.

ISBN 978-5-44-968344-1

© Ревзин В. Е.
© Издательские решения

Содержание

Крон и «Ночное приключение»	6
Крон и Старое ружье	22
Крон и клятва Гиппократ	37
Крон и три мертвых любовника	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Крон

Влад Евгеньевич Ревзин

© Влад Евгеньевич Ревзин, 2019

ISBN 978-5-4496-8344-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КРОН: 12 детективных историй

Влад Ревзин

От Автора

Уважаемый читатель,

Это сборник из двенадцати историй в рамках журналистского расследования интернет-редакции под руководством старого телевизионного волка Евгения Крона. События происходят в Одессе середины двухтысячных годов.

Written, cover by Vlad Revzin

Ridero Edition

Все права защищены. 2019. Влад Ревзин

This eBook is licensed for your personal enjoyment only. This eBook may not be re-sold or given away to other people. If you would like to share this book with another person, please purchase an additional copy for each recipient. If you're reading this book and did not purchase it, or it was not purchased for your use only, then please return to Ridero and purchase your own copy. Thank you for respecting the hard work of the author.

*Не поступай с другими так,
как бы тебе не хотелось,
чтобы поступали с тобой;
вот суть закона – все остальные
законы непостоянны*

«МАХАБХАРАТА», ВЕДА 39

...И вернемся мы с вами, дамы и господа, лет на десять-двенадцать назад, в то время, когда телевизор ещё использовался для новостей а не как монитор для просмотра блокбастеров. Когда лишь самые смелые могли хлопнуть дверьми, уйти из уважаемого телевидения, и окунуться в беспокойные волны Интернета. Когда полиция называлась милицией, информация хранилась на лазерках и даже дискетах. Ноутбуком можно было легко убить человека. Когда эхо ревущих девяностых ещё звучало в ушах тех, кто не способен забывать.

Это время ещё досконально не описано, прошло слишком мало времени, однако давайте вспомним...

Крон и «Ночное приключение»

Редакция интернет-канала «Журналистское расследование» располагается в Красном переулке, в небольшом офисе, на втором этаже домика, фасад которого знал лучшие времена. Внутри чисто и почти уютно. Это для обитателей домика важное условие существования, так как большинство из них проводят здесь столько времени, что всерьез поминают меж собой редакцию как «дом, милый дом».

Редакция функционирует более трех лет, дому не менее ста.

Интернет-канал вырос из одноименной телевизионной передачи, достаточно популярной, ещё недавно, на одном из местных каналов.

Но настали другие времена. Зритель ушёл в сеть.

На тесной стоянке перед входом три машины. «Лексус», маленькая Хонда и автобусик Мерседес, боевая машина оперативного отдела.

Сегодня на втором этаже, в кабинете главного редактора, с самого утра дым коромыслом. Впрочем, это обычное дело накануне еженедельной он-лайн передачи «Расследования», что идет в пятницу вечером.

Хозяин кабинета, чье тяжелое, в грубых морщинах, лицо еженедельно наблюдают простые смертные, разбушевался до чрезвычайности. Это, впрочем, тоже не было чем-то особенным, – Евгений Карлович всегда был зол накануне передачи, и особенно тогда, когда сроки срывались к черту. Главная тема казалась полной ерундой, сотрудники, – специально, конечно, – несли полную околесицу.

– Где интервью с чиновником МЧС?! – орал он, наливаясь кровью. – Опозорить меня хотите? Чтобы я не сдал во время материал? Зритель ждет убойной порции, а моя команда не работает! Спонсор меня сожрет ...да вам все равно... Пора выходить и ничего не готово! Как всегда!!

Все как всегда...

Женщина, сидевшая перед столом в гигантском кожаном кресле дурацкого синеватого колера, скептически покосилась на разъяренного шефа, нагнулась вперед, над монитором лэптопа, точным движением выудила из кучи на столе нужную лазерку и подчеркнуто учтиво продемонстрировала ее присутствующим.

Из угла тихо хихикнули.

Позади прозвучал тяжелый вздох.

Женщину звали Александрой. Кроме нее и Крона в доводке программы были заняты еще двое, – один из них, молодой сотрудник Паша, бойко стучал в углу по клавиатуре, втиснутой в выдвижную полку малюсенького компьютерного столика. Его короткий ежик блестел в свете лампы дневного света, губы азартно кривились.

Еще один творческий работник, как в былые времена называли журналистов и редакционную челядь, уныло крутил профессиональную камеру. Видеооператор дядя Витя, носивший партийную кличку Глазик, слыл законченным пессимистом и вечно вздыхал то ли по ушедшей молодости, то ли еще по чему-то давно сбывшемуся. Дядя Витя был старым соратником главного редактора.

Кстати, некоторые для полноты называли Крона ласковым именем Болтик, но исключительно за глаза, беспокоясь за сохранность редакционного имущества и собственных голов.

– Ага, следовательно, осталась заключительная часть. Паша... – Крон схватил диск и неожиданно успокоился, словно сучивший конечностями младенец, которому дали грудь. Он воткнул лазерку в башню компьютера и начал терзать клавиатуру.

Женщина удовлетворенно щелкнула пальцами и занялась своим ноутбуком.

Бронепатроном следующей передачи были два судна, плотно ставшие на мель в пределах загородной курортной зоны по причинам сильного шторма, разгильдяйства команды одного из судов и пофигизма владельца, который подсчитал, что потеря плавсредства, из которого выжали всю возможную остаточную прибыль, принесет ему гораздо меньше убытков, чем оплата спасательных работ. То, что существовала опасность разлива топлива, обещавшего загадить не один километр прибрежной зоны, грека не смущало.

Тема была невыигрышная.

Место катастрофы превратилось в достопримечательность. На бережке входило в моду разворачивать пикники, с поеданием шашлыков и печеной картошки. Половина горожан сфотографировалась на фоне прижавшихся друг к другу, как дельфинята, кораблей, большинство обстоятельств печального события на воде также не составляло тайн для общественности.

Если бы не одно – два обстоятельства, Крон никогда не взялся бы за эту тему. У него всегда был замечательный нюх на то, чем выгодно и невыгодно занять себя и подчиненных.

Александра открыла нужный текст и пробежала его глазами, не без гордости. Ведь по сути, именно она установила и взвела маленькую мину, с помощью которой замшелая история, набившая оскомину прокуратуре, массмедиа и зрителям, из тухлой рыбы волшебным образом обращалась душистым вонючим камамбером. Как часто бывает, скелет торчал из домашнего платяного шкафа.

Грек-владелец Майкл Арнаут, процветающий ныне в солнечной Италии, во времена оные был жителем здешних черт, нашим земляком и согражданином Мишей. В городе и сейчас проживала брошенная некогда жена, а также взрослый балбес – сын. Александра нашла и безутешную разведенку, и сыночка. Прочувствованные слова мадам и мрачные ругательства отпрыска бросили жирную тень как на грека-судовладельца, так и на некоторых строптивых чиновников районного масштаба, к рукам которых, как водится, стали прилипать купюры.

Грек представал жадным, гнусным эмигрантом, которому нет дела ни до бывших близких, ни до Родины.

Женщина хмыкнула, закрывая папку.

Если бы все так просто. Естественно, кроме этого вышеупомянутого обстоятельства существовал некий движущий мотив, позволивший вытащить на свет историю с кораблями, севшими в пляжный песок по ватерлинию. И надо признать, что без Болтика, как и обычно, ничего бы не было. Именно он, используя обширные и не всегда полностью легальные связи, нашел некоего господина Дао, предпринимателя средней руки, специалиста по вывозу сокровищ недр за пределы нашего щедрого государства.

Дао, перекупщик сырья для одного из малых драконов Южной Азии, очень хорошо знал грека-судовладельца, и питал к тому весьма сильные чувства. Когда переходят дорогу, перебивая поставки демпингом, ломая при этом налаженный бизнес, выталкивая из рынка, человек глубоко осознает определение бизнеса, как войны. А на войне все средства хороши, решил мистер Дао и начал, как и следует проигравшему, не меряться умом и силой, а рыть носом в грязи под ногами, куда он упал.

И накопал, и предложил найденное не мировому сообществу, а редактору «Расследования» Е. Крону. И при этом присовокупил очень неплохую сумму на бинты и йод на тот случай, если грек Миша тоже начнет бросаться, и не только грязью.

– Теперь ребятки, картина полна, – хлопнул в ладоши шеф, прерывая мысли Александры. – Сейчас мы с Витей начинаем. А ты Кузьменко, поработаешь здесь...

– Само собой, – смиренно сказала Александра. – На экране блистать вам, а подошвы стирать нам.

– Помолчи, – он встал, взмахнув мощным животом. Его фигура была похожа на колокол, отлитый по случаю победы над заклятым врагом, красное лицо приняло бульдожье выражение. – И чтобы больше я это не слышал. Одно дело делаем.

Он показал на монитор.

– Грядет передача о гибели Бородина, а у нас как всегда ничего не готово... До моего приезда представь болванку передачи. И перечень мероприятий. Материалы в папке «Ночной квест». И смотри у меня!

Начальство исчезло, сопровождаемое шлейфом сопровождения. Александра осталась одна.

Вздыхнув с облегчением, она сварила кофе и, сняв куртку, упала в кресло шефа, закинув ноги на столешницу, небрежно сместив для удобства лежащие в беспорядке справочники. Рядом с туфлями дымилась чашка. Александра достала сигару, прикурила от зажигалки Крона, которую он вечно забывал сунуть в карман, и с наслаждением втянула ароматный дым. Привет от Фиделя... Хорошо иногда почувствовать себя начальником.

Она лениво посмотрела на компьютер Болтика.

Рядом стоит фигурка ротвейлера, с высунутым языком, монитор в разноцветных наклейках и напоминалках.

Вытянула ступню и ткнула носком в пусковую кнопку. Зазвенел телефон на столе, потом мобильный. Это была мама, но Александра решила не отвечать, позвонит позже.

Дым постепенно за клубился над головой облаком, в голове застучали тяжелые молоточки, напоминая, что обедом сегодня был лишь бутерброд с сыром и предыдущая чашка кофе.

– Где тут наши файлы, – уныло пропела она, скинула ноги со стола и сгорбилась перед монитором.

Она нашла папку «Ночной квест».

Впрочем, она знала все на память. Тем не менее, перед тем, как составлять план на следующую неделю, Александра решила прочесть все еще раз. Хотя бы для того, чтобы ненавистная история с судами в песке поблекла в усталом мозгу.

Вот это была совсем другая тема, – кровавая, пусть и не бьющая в глаза из каждой точки обзора.

В двадцатый раз она прочла короткий текст.

Любители погонять с ветерком по ночному свежему воздуху, придумали забаву. Своего рода гонки, только посложнее, чем картинг или Формула 1. Представители золотой молодежи и примкнувшие к ним фанаты автоспорта постарше, но с деньгами, создали клуб по интересам: команды получали на старте конверт с заданиями, разбросанными по городу. Кто первый решал их и приходил к финишу, тот объявлялся победителем.

Чем бы дитя не тешилось...

Задания самые неожиданными. Найти в ночном городе трех негров, подарить цветы милицейскому патрулю на Бульваре, решить головоломку, указывающую следующий промежуточный финиш и так далее. Заезды проводились в ночь с субботы на воскресенье, по итогам сезона победный экипаж получал какой-то приз. Наверное, такой же дурацкий, как и сами соревнования.

Приятное времяпровождение. Симпатичные подружки, шампанское на финише. Ранние завтраки на пляже под бледнеющей луной.

В один из заездов произошло несчастье. У одной из машин взорвался бензобак. Автомобиль потерял управление и врезался в толстое дерево, из тех, что украшают Фонтан. Сидевший сзади член команды по фамилии Гнесин вытащил раненого штурмана. Водителя Максима Бородина спасти не удалось. Ремень заклинило, машина запылила во всю силу, и Гнесин только успел отбежать, как злополучный аппарат взорвался.

Экспертиза показала, что водитель задохнулся в дыму. На покойном зафиксированы повреждения, в том числе черепно-мозговая травма. Сама травма, по убеждению медэксперта, привела бы к смерти водителя через одну – две минуты, независимо от отсутствия в машине кислорода.

Так что Бородин был обречен.

Штурман Вадим Бровка, он же личный механик Бородина, тяжело травмированный, выжил. Гнесин отделался синяками и ожогами.

Александра с хрустом раздавила сигарный окурок в пепельнице и потянулась вверх, разминая онемевшую спину. Опять зазвонил телефон на столе, и снова звонок остался невостребованным.

Женщина открыла ноутбук, запустила чистую страницу и написала:

План «Ночного квеста».

Пункт первый: Расспросить Крона...

Задумалась. Она знала, что без солидной суммы на нужды редакции Болтик пальцем не ударит, даже если речь пойдет о раскрытии тайны гибели Генерального прокурора. Пусть колется, чем его привлекла эта история.

Александра вернулась к клавиатуре.

Пункт второй. Помедлила и набрала строчку:

Встретиться с вдовой...

Как обычно, в вечер пятницы, коллектив просматривал свою работу. Крон настаивал на этом, и все попытки уклониться от совместного лицезрения передачи под предлогом того, что это де комфортабельнее сделать дома, пресекались в зародыше.

Шефу передача понравилась. Паша зевал, дядя Витя мрачно смотрел в экран. Штатный адвокат фирмы, Сема Гройсман, сосредоточенно читал бумагу, напечатанную слепым машинописным шрифтом. Он сидел в кресле у окна. Передачу просматривали на громадном экране в комнате совещаний, где стоял стол, большой диван и несколько кресел.

Александра продолжала одним пальцем набивать план работ, кося глазом на шефа. Наконец финальная фаза, где, собственно, и сливался компромат на зарвавшегося грека, завершилась, и Болтик оторвался от увлекательного лицезрения собственного себя, в качестве сурового обвинителя. Она поняла, что самое время.

– Евгений Карлович, -негромко сказала Александра. -По делу Бородина хочу пообщаться.

Болтик вытер легкую слезу и просветленно глянул на свою журналистку. Насколько он был некоммуникабелен накануне передачи, настолько мягок и демократичен после, если только «Расследование», и сам Крон в нем были хороши.

– Что ты хочешь?

Паша умоляюще взглянул на шефа.

– Домой надо, – заныл он. – Девять вечера, а вы опять о работе.

– А ведь ребенок прав, – рявкнул Крон и встал. – Всем отдыхать. Тебя подвезу до дома, в машине поговорим. По домам!

Народ сквозняком сдуло из комнаты.

Крон достал пачку и воткнул папиросу в зубы, предварительно сделав двойной «фильтр». Александра протянула ему зажигалку.

– А, вот она, – удовлетворенно пробурчал шеф, выпуская дым. -Ну, пошли, что ли?

На улицах было пустынно, тем не менее шеф вел машину, как всегда, не торопясь, осторожно и основательно.

– Ты хочешь знать, почему мы занимаемся этим делом, – осведомился он. – Согласись, тема не так плоха. Ночь, трагическая смерть, недоговоренность, некоторая таинственность... конфетка!

– Не вижу ни недоговоренности, ни тайны. Проломленный череп, горящий автомобиль. И тем не менее, в чем наш интерес? – придавила Александра.

– Нну... -запыхтел шеф.– Ты, Саша, словно верная жена. Заначку не скроешь. В ста двадцати тысячах баксах, вот в чем.

– Богато, -присвистнула Александра.– А от кого и за что? Секрет?

– Какие от тебя секреты... Когда я узнал о аварии, напросился к жене Бородина, то есть теперь вдове. Пришлось нажать кое-какие пружины, не хотела принимать. Максим Бородин, как ты знаешь, очень богат. Был.

– В общих чертах.

– Он владел сетью однотипных магазинов «Альпы». Тех, где пять тысяч штук товарного ассортимента. В любом магазине ты знаешь, что лук справа, а шпроты и сардины, в том углу.

– Ну да, магазин вашего квартала. А откуда...

– Приложил руку к перевалке нефтепродуктов, разбогател в конце десятых.

Александра ухватила рукой за торпеду, так как машина огибала круг.

– Удостоившись приема, я убедил мадам Бородину, что смерть супруга должна быть прозрачной. Дал гарантии, что без ее ведома никаких ненужных деталей в эфир не попадет. И вообще, эфира не будет, если не найдется криминала.

– Ваши способности убеждать я хорошо знаю, – искренне призналась Александра.

– Благодарю. Как мне стало известно, в ее кругах пошевеливаются гаденькие слухи, -мол, с мужем было не совсем хорошо, в смысле большой любви. Так что и ей выгодно получить от нас полис, гарантирующий отсутствие вшей.

– Жена Цезаря...

– ...должна быть вне подозрений, пусть царя уже нет. Вот-вот.

– Итак...

– Бородина дала мне банковское поручение на сто двадцать тысяч, и по взаимному согласию, денежки лежат в сейфе, у ее нотариуса, и в случае чего никто не отвертится. Это наш заработок.

– У вас талант профессионального вымогателя, – Александра прикусила губу. – Я хочу с ней встретиться. Завтра.

– Изволь. Мы с тех пор друзья. Я перезвоню ей утром. Пользуйся, для общего блага. Только что ты там хочешь вынюхать?

– Сама не знаю, – тихо сказала женщина. – Сами ведь твердите: первый подозреваемый, – супруг. Ему выгоднее всех.

Вскоре она попрощалась и вышла у своего парадного. «Лексус» блеснул хвостовыми огнями и уехал в ночь.

Марина Бородина была затянута в черное платье с кружевами вокруг шеи. Темные волосы затянuty черным шнурком. Бледное лицо не несло следов косметики.

Образцово – показательная вдова, подумала Александра, и ей стало неловко.

Несмотря на траур, эта женщина тянула на звание «лица» какой-нибудь французской парфюмерной фирмы, – чистая кожа, изящные линии нежного лица, длинноногая, с тонкой талией.

Настоящая жена умного богача новой формации. Бесовское воображение тут же представило Бородину в объятиях обнаженного красавца с поджарым задом, и Александра опять устыдилась. Была за ней эта неприличная привычка, представлять знакомых и малознакомых людей в спальне. В этом практически не было эротики, наоборот, странный иронический подтекст.

– Садитесь, – элегантно жестом предложила Бородина и первая опустила на банкетку.

Журналистка села в кресло напротив и мельком огляделась. Роскошная гостиная, мраморная лестница, французские окна с видом на побережье. У вдовы было все, что только можно было пожелать. У нее не было только мужа. Оставалось узнать, хорошо это или плохо...

– Чай, кофе?

– Нет, благодарю. Я постараюсь долго не задерживать.

– Что вы хотели? – Оголенная рука, показавшаяся из-под опавшего рукава, была молочно-белой.

Царственно Марина взяла со столика стакан с оранжевой жидкостью. Пальцы, как показалось Александре, чуть дрожали.

– Пара вопросов. Какк ваш... супруг заинтересовался ночными гонками, и что-нибудь о его спутниках в... ту ночь.

Бородина равнодушно посмотрела в сторону веранды, откуда светило утреннее солнце. Пригубила напиток.

– Максим был увлекающимся человеком, знаете ли. Что в работе, что в отдыхе. Эта забава затянула его около года назад. Мне не нравилось.

Александра участливо покивала.

– Вы его никогда не сопровождали?

– Мм. Раз или два. Мне не нравилось, и муж не настаивал. Ему хватало... кампании.

– И женской?

Она бросила на Александру мимолетный взгляд.

– Простите, это, наверное, бесцеремонный вопрос.

– Извините, и в самом деле. Итак, вы больше не принимали участие в гонках?

Где-то в глубине дома прозвенел мелодичный сигнал, однако хозяйка не повела ухом.

– Нет. Последний раз около десяти месяцев назад.

– Максим всегда ездил с этой командой? – задала Александра следующий вопрос.

– С Вадимом да. Это, можно сказать, его личный механик. Максим, кроме всего прочего, всегда страстно любил машины. Больше, чем...

Бородина помолчала.

– В гараже стоит пять машин, за которыми ухаживал Вадим Бровко. Копались вместе, что-то всегда модернизировали. Так что ночные радости были удобным поводом для проверки новых машин и разных заумных усовершенствований.

И жестко добавила:

– Вот эта забава в конце концов и убила его.

Она со стуком поставила стакан на столик.

– А второй, Гнесин?

Бородина чуть помедлила:

– Этот появился чуть позже. Стал душой компании.

– В смысле?

– Режиссером гонок. Придумывал задания, маршруты, они вечно что-то планировали. Максим буквально влюбился в Гнесина. Он проводил с ним и Вадимом почти все свободное время.

Хозяйка подняла глаза и взглянула на настенные часы, так, без особого намека.

Когда Александра встала, хозяйка, взглянув на нее потухшим взглядом, угрюмо пробормотала:

– Когда мужику новая тачка милее бабы, телке надо вовремя прикинуть расклады, иначе...

Александра подняла брови. Ей подумалось, что сленг базарных торговцев из уст этой рафинированной красотки, гораздо больше подходит к ее пустому лицу и жесткой гримасе, чем все светские речи.

Уходя, Александра позволила себе уточнить:

– А чем занимается господин Гнесин, можно узнать?

– Владимир Гнесин, – вице-президент по маркетингу и заместитель Максима. Виталий, проводи гостя!

Провожал Александру, также как, и встречал, самый настоящий дворецкий, облаченный в подобие ливреи, с позументами на пузе, сладко-приторный молодой человек с вкрадчивыми манерами. Его взгляд был жирным и скользким, будто ношенная шляпа.

Вячеслав Лунгул, подполковник милиции, сидел в областном управлении ВД и руководил отделом по расследованию особо важных преступлений. Ему было за пятьдесят, он был в меру честен, насколько это возможно в наше непростое время. Слава добросовестно отработывал гонорар, получаемый у Крона, не гнал порожняк и не обещал золотых гор.

Прямо говорил, может он решить проблему или не в состоянии, и лишнего не требовал. А это в здании на Еврейской дорогого стоило. Его уважали коллеги, некоторые побаивались. Ему доверяли многие подопечные, даже беспредельщики, что было редкостью.

Александра была особенно благодарна Лунгулу за удостоверение внештатного сотрудника милиции, которое служило ей доброй службой. Карточка выдавалась в исключительных случаях, но Александра не без оснований полагала, что она и есть тот самый случай.

Когда журналиста звонила карманному менту Крона, тот всегда отвечал цифрой, обозначающей количество минут, через которые они могут встретиться в пиццерии на углу. И через указанное время выходил, вроде как попить чаю (как знала Александра, подполковник, кроме водки, в рот ничего не брал). Так у них было договорено.

Подполковник дорожил своей репутацией, а что он делал с суммой, ежемесячно получаемой в конверте, считалось его личным делом.

– Ну и чего, красотка, взрослых беспокоишь? – забасил он, втискивая крупное мощное тело в явно узкие подлокотники стула. – Быстренько, у меня дел невпроворот.

Он знал Александру уже более двух лет, но всерьез ее не воспринимал.

– Подполковник, – обиженно заявила Александра. – Какого черта? Я вам не красотка...

– Очень жаль, красотка, -засмеялся он и шелкнул пальцем, сбивая крошку со стола. – Итак, что от меня нужно твоему шефу? Не тяни, рассказывай, что велели передать?

Александра решила не обращать на хама внимания. Было ясно, что он специально дразнит ее, дабы вывести из себя. Может быть, доблестный подполкан был уязвлен, что две-три попытки склеить Александру, словно модель АН-24, не удались, и его самомнение старого сердцеда было уязвлено?

– Мне надо узнать, кто ведет дело о гибели Максима Бородина, и поговорить со следователем. Разговору на пять минут.

– Ага, – Лунгул подмигнул журналистке. – Так бы и сразу... А что, – Карлович предполагает здесь криминал?

– Спросите у него сами, -надменно заявила женщина. Если из нее выставляют мальчика на побегушках, то шиш вам лишние разговоры.

– Нда, Александра, интересная штука выходит, -подполковник нахмурился. – Поговоришь, легко. Сейчас я проверю, кто там работал. Только дело-то чистое.

– Крону виднее. И еще. Хорошо бы экспертизу посмотреть. Труп, машины. Все, что есть.

– Appetit у вас, не напасешься. Ну я пошел, – он поднялся, но стоял, возвышаясь над столиком, как боевая башня. – Крон ведь смотрел протокол и все остальное?

– Смотрел не он, а Паша, вот он и боится, могли что-нибудь проглядеть.

Александр показалось, что он впервые смотрит на меня с некоторым уважением. Не просто как на существо противоположного пола, оснащенного вторичными половыми признаками.

– Тут только вот какое обстоятельство. – Лунгул хмыкнул, огляделся по сторонам. – За три дня до аварии нашему единственному толковому эксперту Диме Лутченко дали по темечку,

недалеко от родного парадного. Сильно. Экспертизу в его отсутствие делали практиканты из судебной. Сработано задней правой.

– А обычно у вас лучше?

– Не наглей.

Он потоптался, как будто доблестного стража порядка охватило смущение.

– В общем, у меня самого были некоторые сомнения. Сама понимаешь, на пустом месте.

Но если Крон что-то пронюхал... Ну, сама считаешь, пока. Я тебе ничего не говорил. Жди паренька.

Итак, экспертизу делали абы как. Значит, там могло быть все, что угодно.

Первый кирпичик лег в здание передачи.

Следователь по делу появился через сорок семь минут. Это был невысокий лысоватый человек средних лет, на невыразительном лице которого выделялся нос солидных размеров, что-то вроде королевского банана. Если правда то, что на витрине, то и в магазине...

Александра помотала головой, отгоняя низменные мысли.

– Экспертиза сделана похабно, - категорично заявил следователь. – Но следы от пуля или мину в бензобаке предполагать не стоит. Пацаны могли невнятно описать характер ранений или состояние одежды, но техническая часть заключения достаточно грамотна. Кроме того, я сам, и еще трое лазили по тачке, так что извините...

– Но вы не медэксперт, - возразила Александра.

– Нет. И что? Не знаю, что вы ищете, – раздраженно парировал носатый. – А я утверждаю, что криминала там нет. Обычный несчастный случай.

После его ухода женщина набросала несколько пометок и посмотрела на часы. Пора было в больницу, где содержался в послереанимационной палате бедолага механик.

Вадим Бровка приходил в себя в палате больницы скорой помощи. Здесь все сверкало чистотой, никелем сверкало хайтековское оборудование, от которого тянулись трубки, опутывающие тело пострадавшего. На голове и лице белый шлем, видны только глаза, нос и рот.

Пребывание в такой палате обходится в круглую сумму.

Дежурный врач и сиделка в один голос заявили, что посещение такой милой дамы не только не нанесет вред состоянию больного, но придаст восстановлению сил их подопечного положительный импульс. Не более получаса, предупредил врач, общайтесь.

Александра представилась. Из-под забрала не донеслось ни звука, яркие синие глаза механика внимательно изучали гостью. Она взяла стул и придвинула его поближе к высокой ортопедической кровати.

– Вадим, я не собираюсь мучить вас сверх необходимого, – пообещала женщина. - Всего несколько вопросов.

– Зачем это? – голос был мятым и тусклым.

– Мой начальник предполагает, что имел место не несчастный случай, а намеренное действие неизвестного или неизвестных лиц, – официально заявила Александра.

– Максим мертв, и я в этом виноват, – прошептал Вадим.

– Что вы имеете в виду?

– Если машина на скорости выходит из строя, виноват механик. Можете меня объявить убийцей.

Она нахмурилась.

– Я не понимаю, почему третье лицо не могло вывести из строя какой-нибудь бензонасос или подложить бомбу?

– Никто не мог. Машин в гараже никто не касался, – только Максим и я.

– Гараж всегда был под замком? – спросила Александра

– Точно так.

– А на трассе?

– Нет. Я не допускал к машине никого.

Александра постучала указательным пальцем по лбу.

– Что вы помните до взрыва?

– Мы въехали на участок Фонтана, примыкающий к ограде Артиллерийского училища.

Мы почти вышли из мягкого поворота. Улица была свободной. Скорость 120. Максим переключился и что-то сказал, а что, – я не услышал. Взрыв, вспышка и все. Очнулся в больнице.

Журналистка глубоко вздохнула.

– Послушайте, Вадим, вам жалко Максима Бородина? – внезапно спросила она.

– Глупый вопрос, – прошелестел он.

– Мой шеф- умный и опытный человек. Если он почуял что-то в вашей трагедии, значит, есть шанс отыскать действительного виновника.

– Что вы хотите? – устало спросил он.

– Я хочу, чтобы вы нашли силы повторить то, что сейчас сказали. Перед камерой. Это три минуты записи. Мы используем ваши слова в том случае, если станем изобличать убийцу.

– Его не существует. Впрочем, будь по- вашему. Я устал.

Александра встала и приоткрыла дверь.

– Дядя Витя, заходи, – шепнула она в отворившийся просвет.

Когда короткое интервью завершилось и искалеченный механик смог перевести дух, Александра покинула помещения больницы.

У машины журналистка остановилась.

– Дядя Витя, нижайше прошу, – попросила она, зная о взаимоотношениях Глазика с Кроном.– Покажи шефу это сегодня, лучше прямо сейчас. Знаю, знаю, он начал просматривать материал на следующую передачу, но надо, понимаешь. А он твою работу оценит.

Оператор тяжело вздохнул.

– Спасибо, дядя Витя, – улыбнулась она. – А я через часик звякну самому. Ладно? С меня пиво.

Глазик еще раз вздохнул.

Поговорить с Кроном удалось только через три часа, так как он на месте не сидел, – был на одной из своих конфиденциальных встреч.

Услышав короткий доклад подчиненной, Болтик засопел в трубку.

– Ну и что ты об этом думаешь?

– У меня неясное ощущение, что здесь виноват не один, а как минимум двое. Может, инициатор Гнесин, а исполнитель- механик. На злодея он не похож, но мало ли мотивов, и человек вынужден делать то, что ему совсем не нравится?

– Гнесин? А его интерес в чем?

– А если они с Бородиной любовники? Или конфликт интересов профессионального порядка?

– Тебе в суде выступать...

– Можно кому-то поручить за Гнесиным походить?

– Ха-ха. Какая ты умная, – отозвался Крон.– Отдыхай. Завтра законный выходной. Между прочим, твой куда более глупый шеф отдал распоряжение, и с утра Гнесина водит Ахмед. Съела?

– Я восхищена. Вот что... Этот дурацкий взрыв не дает мне покоя. Что-то с ним не так...

– Ты порассуждай на отдыхе, – медленно сказа Крон.– Участок Фонтана перед Артучилицем в ночное время, – самое пустынное место на Фонтане. Дежурные спят где-то в корпусе, далеко от ограды, дома на противоположной стороне закрыты листьями деревьев, да и от про-

тивоположной полосы стоят далеко. Овощные киоски. Добавь сюда широкую разделительную полосу с трамвайными путями. Вот и спроси себя, почему именно там все произошло? Случайность?

Александра поймала себя на том, что при упоминании об Ахмеде подавила неуместный истерический приступ смеха. Это случалось время от времени, и тому была причина.

В небольшом коллективе «Расследования» имела место служба безопасности.

Ее ядром была пара накачанных близнецов, совершенно одинаковых парней двадцати пяти лет, со смуглой кожей и хорошей спортивной подготовкой. Одевались они в одинаковые костюмы, сидевшие на них влитуго. Ребята были похожи, как два мобильника одного выпуска, и однажды рассвирепевший от постоянной неразберихи Болтик заставил братьев носить на одежде опознавательные значки. Ахмеду достался оранжевый, брату зеленый.

Смешно становилось, когда Александра вспоминала некоторые обстоятельства семейной истории братиков. И дело даже не в сочетании имени Ахмед с фамилией Гойхман. Брата, также само собой, Гойхмана, звали гораздо более уместно, – Леонид.

Секрет крылся в любовной истории, произошедшей более четверти века назад.

Тогда простую, но очень милую одесситку Розочку Гойхман страстно полюбил иностранный студент из Палестины по имени Сафьян. Интернациональная семья, отбросив совершенно невозможную для советских реалий фамилию Ангирухат, объединилась для производства себе подобных маленьких Гойхманов.

Сафьян, потеряв дорогую сердцу фамилию, настоял на том, чтобы один из вновь народившихся одноййцевых малышей был назван именем уважаемого деда, потерявшего верхнюю конечность в борьбе против ненавистных сионистов, но вскоре охладил к изучению инженерных и воднотранспортных наук и инкогнито отбыл за рубеж, –возможно, в свои палестины. Как он там объяснял родне смену фамилии, неведомо, но братья выросли и оказались неоценимы на службе у Крона.

Если учесть, что в конторе юристом трудился еще один Гойхман, но уже Семен, можно было сделать вывод как о протекции Болтика клану Гойхман, так и о том, что Розочка Гойхман в свое время была не такой уж юной, да и по поводу невинности любимой милый Сафьян был введен в некоторое заблуждение. Семе-то было под тридцать, и где прятала мама своего первенца, было неведомо никому.

Утром в понедельник, сменив брата, зеленый близнец доложил сенсационные данные. Услышав доклад, Крон тут же отзвонил Александре, и, не поздоровавшись, буркнул:

– Поздравляю. Ты была права. Приезжай, посоветуемся.

Суть доклада сводилась к следующему: обе ночи на выходные Гнесин провел в доме Бородиных.

Мотив адюльтера обрел плоть и кровь.

Шеф сидел у себя и священнодействовал, –закуривал первую на сегодня папиросу. Обычно их было три на день. У Болтика были странные взгляды на долголетие: он курил папиросы, но вместо кофе пил бурду из цикория с заменителем сахара; пил анисовку, в том числе и на ночь, но во время редакционных перекусов питался попеременно то хлебом с овощами, то колбасой и сыром, выуженными из бутербродов.

Это он называл раздельным питанием. Он безумно любил свою ротвейлершу, был несносен и очарователен одновременно.

– Тебе привет от нашего доблестного подполковника, –сообщил он, указывая на бланки экспертиз.

– Хамло, – коротко сказала Александра.

– Сто процентов, -усмехнулся Крон.– А со мной он вежлив. Ну, я ему скажу. Садись. Ты готова?

С пол часа они обсуждали то, что стало известно за последние несколько дней, обозначили версии.

Затем Болтик позвонил штатному юристу. Семен пришел с пустыми руками, как всегда озабоченный, вежливо поздоровался и сел сбоку стола.

Он был безукоризненно одет, на лице, не чета братьям, читался ум и на лбу отпечталось высшее юридическое.

– Что ты знаешь об этом дЕльце?

– Как удалось установить с девяностопроцентной точностью, супруга получает все, что принес бизнес Максима Бородина. Вероятно, это не менее пяти миллионов долларов. В этой сумме не учтена недвижимость за рубежом, – доля двух фабрик в России, дом с участком во Франции, дом в Чехии. Возможно, вложена сумма до полумиллиона в одну из команд Формулы1. Детей нет, близких родственников, претендующих на части наследства, тоже. Имущества под судом не имеется. Не наследство, а сказка. Пока это все.

– Хороший кусок. – Облизнулся Крон.– За это и человека можно убить, а?

– Вам виднее, – уголками губ улыбнулся Семен.

– Протягиваем цепочку: Бородина-Гнесин-Бровко, механик, – предположила Александра

Крон одобрительно покачал головой:

– Хорошая цепочка, – каков же будет кулончик?. Нет прямых улик, вот незадача. А с предположениями выходить он-лайн несолидно. Цепочки сцеплять может любой обыватель. Надо искать железные улики. И здесь без экспертиз не обойтись.

– Да они дырявые, эти экспертизы. Кстати, ведь по головушке Лутченко тоже не случайно вломили? – Покачала головой женщина.– Не сама же Бородина.

Крон уже раскладывал на столе протоколы. Семен сослался на дела, и его отпустили.

– Да, специалисты исчезают, как класс, -ворчал он. -Ты посмотри, на фото какой аккумуляторный проломчик прямо над ухом, а в протоколе, – «средней тяжести». Любители...

Александра зажгла сигару и подтянула к себе фотографии.

– И здесь, смотрите, -показала она зажженным кончиком, -похожая дыра. Впрочем, это не пробитый череп, а рваная рана...

– Угу, – сосредоточенно буркнул Крон. – Здесь над правым ухом, а здесь... переверни-ка. Над левым. Это что получается?

Движения шефа замедлились, он закрыл глаза, потом упал в кресло и попросил:

– Найди траекторию движения автомобиля после взрыва.

– Это только со слов механика, -напомнила журналистка. – Взрыв мог быть и в другой точке.

– Дорогая моя, – открыл глаза Крон. – Могу с уверенностью сказать, – Вадим Бровко не врет. Так что точку взрыва, отмеченную на схеме с его слов, будем считать отправной. А вот дальше...

– Дальше совсем непонятно.

Они склонились над вычерченной на компьютере схемой.

– После взрыва машина ведет себя странно. Вместо того, чтобы двигаться по прямой, и, не вписавшись в очень пологий поворот, врезаться в дерево левым крылом, она сдвигается вправо и бьется бампером почти по центру. Кроме того, судя по всему, скорость в момент столкновения была гораздо ниже той, что можно было ожидать.

– Да, Вадим запомнил скорость, – 120. А, судя по разрушениям, у дерева было не более семидесяти. Значит, Максим смог затормозить, уже теряя сознание. Смещение автомобиля...

Александра задумалась.

– Бензобак слева, так? В результате взрыва в движении машину развернуло вправо, и она ушла ближе к правому бордюру. Вот, видите, вектора направлений.

– Вижу.

– Так оно и было.

Крон почесал затылок:

– Смотри, как у тебя складно выходит. Взрыв, механик отрубается, водитель, получив смертельную травму осколками, все же тормозит, машина врезается в дерево под нужным углом. Гнесин выскакивает с заднего сидения, вытаскивает механика, пытается вытащить водителя, но машина горит, ремни заело, и Гнесин убегает от греха. Жарковато там было, должно быть

– Похоже на то. А что вас не устраивает, Евгений Карлович?

– В твоих рассуждениях есть одна неточность, – заявил Крон.

– Какая же? – осведомилась Александра.

Повисла пауза. Крон опять закрыл глаза и качал здоровенной башкой из стороны в сторону.

– На самом деле все было не так. Поверь, нам лучше сосредоточиться на следующем вопросе: не КТО, а КАК убили Максима Бородина. При этом мы должны доверять тому, что механик запомнил перед взрывом.

– А понятнее нельзя? – обиделась женщина.

– Давай-ка ты встретишься с Гнесиным, – вместо ответа приказал Крон-Пора. Мужчина, говорят, красивый, холеный.

– Как скажете.

– Учти, Саша, этот тип может оказаться очень опасным субъектом. И если поймет, что ты можешь стать его проблемой, попытается ее решить. Своими средствами.

Кабинет и хозяин соответствовали друг другу. Чистые, ухоженные, нарядные. Если бы не ледяное выражение глаз Владимира Гнесина, можно было поверить об искренности радушного приема. Суровость глаз подчеркивали синяки на виске и подбородке, а также следы ожогов на шее. Совсем небольшие.

– Все ведь и так понятно, уважаемая Александра, – отреагировал Гнесин на вопрос Александры об аварии. – Дело, как я знаю, закрывается. Только вашему шефу нейдет. Нет здесь сенсации, черт побери, нет.

– Для журналиста не существует закрытых дел, – попыталась пошутить женщина.

Он улыбнулся уголками рта:

– Ну, если я смогу удовлетворить ваше любопытство...

– Судя по тому, что мы уже знаем, – решила взять быка за рога журналистка, – вас связывают с Мариной близкие отношения.

Он на секунду замер, потом расслабился. Расстегнул пуговицу на воротнике. Лишь глаза еще более охладели.

– Вы собираетесь упомянуть об этом в репортаже?

– Нет, если не станем доказывать вашу причастность к смерти Максима.

Гнесин приподнял бархатные брови:

– Даже так?

– Такие вещи трудно спрятать.

Он вздохнул:

– Что ж, нас с Мариной действительно связывает постель.

– Как долго?

– Уже три месяца.

– Только постель?

Гнесин пожевал нижнюю губу. Его голова с идеальной прической на фоне обоев напоминала негатив.

– Почему я должен... -он замялся, пытаясь подобрать слова. -Вы думаете, что имеете право... Впрочем,... Вы имеете в виду любовь, виды на брак и тому подобное?

– Да.

– Называйте, как хотите. Желания овладеть Мариной, для того, чтобы стать ее мужем не было, у нее был любимый муж.

– Любимый?

– Не верьте слухам, милая.

– Но сама Марина...

– Чего не скажешь с досады, когда муж предпочитает пацанские развлечения домашнему уюту. Мы такие. Марина не убивала мужа ни сама, ни с моей помощью, поверьте.

– Еще один нескромный вопрос. А вы-то когда нашли время на отношения, ведь занимались квестом не меньше Максима?

– Было бы желание...

В общем, Гнесин так ничего нового и не сказал. Встреча осталась бы совсем пустой, если бы под конец Александра не спросила:

– Женщине позволено задать глупый вопрос?

– В дополнение к остальным, – бесцеремонным и нескромным?

– При ударе подушки безопасности должны срабатывать, не так ли? Почему они не сработали?

Но поймать его так и не получилось

– На машине Максима не было подушек безопасности. Считалось, что ремней, ребер жесткости хватает. Подушки иногда срабатывают на ухабах, при таких скоростях. Мой приятель однажды сломал себе нос о подушку при резком торможении. Если это все, я хотел бы еще поработать.

Уходила Александра слегка озадаченной. Этот лощеный господин вёл себя как-то не так. В поведении, в жестах. Он пытался что-то скрыть...

– Словно он что-то пытался скрыть. Знаете, как женщина непроизвольно прикрывает рукой в разговоре кривоватые зубы, или бедняк в гостях прячет заношенные ботинки.

Крон засмеялся.

– Ему есть что скрывать. Не зря я отправил тебя туда. Молодец.

– Но я не понимаю...

– Потерпи, еще немного.

– Объясните хотя бы неувязку с бензобаком. Вадим не мог минировать его, ожидая взрыва в машине, где сидел штурманом. Гнесин доступа к гаражу не имел. Есть возможность сговора, но тогда Гнесин должен был обмануть механика, каким-то образом изменив время взрыва. Полная ерунда.

– Вот-вот. Вадима выводим из списочка подозреваемых. Так что вопрос, как взорвали машину, становится не только главным, – он становится единственным. Впрочем, нет.

Крон задумался. Потом сказал:

– Удовлетворю твое любопытство, если скажу, что на месте аварии был еще один человек, исчезнувший до приезда патруля скорой, и был он не в машине Бородина?

– Господи, этого нам только не хватало.

– На тебя не угодишь, в самом деле. А ты знаешь, мы готовы к передаче. Две-три детали, и мы готовы. Тебе предстоит еще одна встреча, Александра. С Бородиной. Спросишь у нее следующее...

В бутике немецкой фирмы «Триумф» Марина выбирала белье, активной красной расцветки.

Пока Александра шла к ней вдоль стеллажа, ее слегка покачнуло от ценника на милых трусиках размером с тряпочку для вытирания очков. В ее душе поднялось непреодолимое желание сразу по окончании передачи «Ночной квест» вызвать шефа на принципиальный разговор, и вырвать обещание о прибавке жалованья.

– Ах, это опять вы.

В голосе Бородиной не хватало теплоты.

Вдова со страдальческим видом повесила на место милый лифчик из гипюра и отвернулась к зеркальной стене.

Поздоровавшись, журналистка слегка перекрыла вдове выход из тупичка между двумя стеллажами, и кашлянула.

– У меня два вопроса, – как можно нежнее сказала она.

– А не хватит? – грубовато осведомилась Марина, и сделала попытку освободиться.

Но не тут-то было.

– Мне лично вы неинтересны, – сказала Александра. – Это мой шеф господин Крон хочет уточнить кое-какие обстоятельства. А у вас, как я знаю, некое соглашение с ним.

– Валяй, ищейка, – оскалила зубки Бородина, окончательно выходя из образа леди.

– Вопрос первый. Вы, – любовница Владимира Гнесина?

– Да, вы со своим шефом вообще охренели? – Взвизгнула вдова. – Что ты себе позволяешь, шалава?

– Потише, пожалуйста, – невозмутимо попросила Александра. – Это ваше право, – не отвечать. Все и так понятно.

– Чтобы, ты знала, – чуть спокойнее сказала Бородина. – Более деликатного мужчины, чем Вова, я не встречала. Никаких приставаний, липких рук. А как ухаживал... Цветы, подарки, концерты. Обещал подождать, когда мы сами с Вадимом выясним отношения, а как с ним выяснишь, если Бородин меня за собственность... Держал! И сам не имел, и другим не давал! Один раз заикнулась, так летела, свистела и не радовалась. Шишка на лбу была с твою левую грудь...

Она задохнулась и замолчала.

– Вопрос второй. – Голос Александры стал ледяным. – Что делал у вас в доме Гнесин в ночь с субботы на воскресенье, и с воскресенья на понедельник. Шашки, шахматы?

Глаза Бородиной полезли из орбит.

– Ты что плетешь, идиотка?! Сказано тебе, до секса у нас и не доходило, андестуд?! А на выходные он на своей машине сам отвез меня в Совиньон, на дачу, так что делать в моем доме ему было нечего!!! Поняла, кретинка?

Из-за стеллажа донесся голос дяди Вити:

– Снято. ОК.

– Что?! – заорал вдова так, что было попрытавшиеся по углам продавщицы стали выглядеть бледными лицами над стеллажами.

– Ах!! – выдохнула Бородина, подняла руки с длинными кровавыми ногтями и вцепилась ими в волосы Александры.

Журналистке пришлось обороняться.

Она нанесла несколько коротких, но болезненных тычков в область солнечного сплетения истерички, и та, выпустив волосы соперницы, с воем упала навзничь, увлекая за собой стеллаж с бесценными образцами нижнего белья.

– Боже мой, что вы делаете, – причитали где-то неподалеку в несколько голосов работницы магазина.

Бородинка каталась по полу, пытаясь выпутаться из ночных рубашек самых соблазнительных оттенков. Сзади отлетел в сторону еще один стеллаж, и шею журналистки охватила сильная рука. Она почувствовала недостаток воздуха и услышала у уха мужской голос:

– Я вас придушу, милая. А для ментов скажем, что это была самозащита. Как вам такая перспектива?

Александра пыталась вырваться, но безуспешно.

В голове зазвенели колокола, но тут раздался рывок, мужской голос над ухом ойкнул, ее шея освободилась и воздух полился рекой в легкие. Сзади раздавалась возня и глухие удары, затем грохот. В магазине больше не осталось стеллажей, хоть в каком-либо близком к образцовому порядку. Продавщицы рыдали в полный голос.

Бородинка выпуталась из стильных вещичек и поползла к журналистке. Александра мстительно ткнула ее носком туфли по ребрам, отчего вдова завалилась набок.

Александра повернулась назад, чтобы узнать, что произошло. У стены валялся смутно знакомый человек, и это был не Гнесин. Ах, да. Это был дворецкий Виталик, выполнявший, вероятно, дополнительные функции не только водителя, но и телохранителя. У бодигарда были закрыты глаза, он был в тяжелом нокауте. Стоявшего над ним атлета Александра тоже сразу не признала, но когда тот оглянулся на нее с победной улыбкой, по оранжевому значку тут же определила, – Ахмед.

Болтик сказал, что тебя без присмотра оставлять нельзя, – оскалил Ахмед белоснежные зубы. – И, как всегда, шеф прав.

Прошли чуть менее двух недель.

Крон решил выбрать форму передачи, к которой иногда прибегал, – он задействовал оппонента, – нечто вроде адвоката защиты, чтобы подчеркнуть весомость обвинительных аргументов. Защитника играл актер, – юрист-недоучка с двумя курсами юракадемии.

Напомнив зрителям суть дела, Болтик приступил к правде-матке.

– Уважаемые зрители, – начал он. – Картина, которую уважаемые органы приняли на веру, была изначально ложной. Плохим парнем был сотрудник Максима Бородинка Владимир Гнесин. Мотив: устранив своего шефа, он освобождал место у руки завидной невесты-вдовы Марины Бородинкой, которая была готова к этой участи.

– Позвольте, – вмешался защитник. – Но сама гражданка Бородинка утверждает, что они не были любовниками.

– Физически, – нет, – подтвердил Крон. – Однако со стороны Бородинкой имела место страсть, – как по отношению к Гнесину, так и к мужу, только с противоположным знаком. Бородинка мечтала освободиться от собственного мужа.

– Так она участвовала в интриге, или нет? – спросил адвокат.

– Нет, конечно, нет. Она чиста перед законом. Возможно, она благодарила небеса за взрыв машины Максима, но руки к этому не прикладывала. Другое дело Гнесин.

– Странно, – перебил обвинителя защитник. – Страсть, и без, мм...

– Плотской любви? Странно, потому что Гнесиным также владела страсть. Только не к Марине Бородинкой, а к ее слуге, Виталию.

– Ах... – в студии зашумела небольшая аудитория. – Ох!

– Поэтому посылы и реверансы в сторону красавицы Бородинкой со стороны пылкого влюбленного могли быть только платоническими. Получив же контроль над маленькой империей в качестве нового короля, Гнесин не стал бы, предположу я, насиловать свое естество. Еще один маленький несчастный случай, и безутешный новоявленный вдовец смог бы отдалиться моногамной любви, имея громадный капитал.

– Но как же произошло убийство? – недоверчиво спросил защитник. – Пока это все слова.

– Действительно, невозможное невозможно. Как можно взорвать машину, будучи в ней, остаться живым, да еще оставить свидетеля. Тем более, что машину никак не заминировать, – она стоит в неприступном гараже. Все становится проще, если предположить, что убийство произошло не во время, а до взрыва.

– Как это может быть?

– Вот схема движения машины. Здесь, по словам механика, рвануло. Эти слова и для нас, и для следователей долгое время были определяющими. А если мы перестанем им верить?

– Так что же, Бровко лжесвидетельствовал?

– Нет, он честный человек. То, что он ПРИНЯЛ ЗА ВЗРЫВ, БЫЛО НЕ ЧЕМ ИНЫМ, КАК СИЛЬНЫМ УДАРОМ ПО ГОЛОВЕ. Нанесенным сзади. Смотрите, вот увеличенное фото раны. Очнувшись, и узнав о взрыве, он и не смог предполагать что-либо иное.

– Что же было дальше?

– Нанеся удар механику, Гнесин заставляет Бородину остановиться и бьет его таким же ударом, но только в правую часть головы. Видите, следы ударов расположены зеркально, только голове Бородине принесен больший вред.

– Но эксперты читали эти снимки?

– Их читали практиканты, а опытный специалист Лутченко лежал дома с перевязанной головой. Кто ему нанес удар из двух любовничков, не знаю. Думаю, дворецкий.

– Сплошной вынос мозгов...

– Итак, Бородин агонизирует. К машине подбегает этот самый дворецкий, Виталий, и помогает Гнесину вытащить из автомобиля почти мертвого Бородину и полумертвого механика. Место удобное, свидетелей нет. Гнесин садится в машину, разгоняется до семидесяти километров и бьет машину о дерево, получая при этом небольшие травмы. Для правдоподобия, это стоит того.

Максима Бородину усаживают на место, затягивают ремни и заклинивают их каким-то способом, специалисты подскажут. Машина подожжена, бензобак взорван, можно звонить по мобильному телефону и дрожащим голосом вызывать подмогу. Все.

Мы только представим вам несколько видеороликов и два-три вещдока для полноты картины. Извещаю вас, что господин Гнесин и его любовник арестованы подполковником Лунгулом накануне передачи. Подполковник принимал самое активное участие в работе над этим делом. Хотел бы только еще упомянуть, что львиная доля работы, позволившая изобличить преступников, проделана сотрудницей «Расследований» Александрой Кузьменко.

Прошу, господа...

Поздно вечером, когда друзья и соратники разъехались по домам, Крон и Александра покуривали перед ее парадным под звездами. Крон устало прислонился к дверце машины и тер глаза.

– Устали мы сегодня, – сказал он. – Однако поработали не зря. Что меня рассмешило, – Бородина нам еще и заплатит за разоблачение своего любовника. Парадокс.

– Учитывая качества возлюбленного, должна спасибо сказать. Мы ее буквально образом спасли.

Крон повесил голову.

– Шеф, вам надо отдохнуть, – нежно сказала женщина. – Поднимайтесь ко мне, я сделаю горячую ванну и напою цикорием.

– Саша, – он поджал губы, – если бы разница в возрасте между нами была хотя бы на лет десять меньше, может, я бы и попался в твои сети, и воспользовался твоей наивной доверчивостью. В любом случае, спасибо. Поеду, собака голодная дома ждет.

Он легко коснулся ее лба губами.

– Спокойной ночи. Отдыхай, нас ждут великие дела.

Крон и Старое ружье

Серый прямоугольник окна еле обозначен в темноте спальни. Вдали шипят шинами автомобиля, пролетая пустой, плохо освещенный бульвар.

Истерический визг ввинчивается в мозг. Невозможный, нечеловеческий...

Ее разбудил телефонный звонок.

Это, конечно, был Крон. К тому же нетрезвый. Кто еще будет звонить в субботу, в три часа утра, забыв о своем же пожелании хорошенько отдохнуть на выходные?

– Саша, мы тут со Славой в Пикнике сидим, ты не хочешь присоединиться?

– Я сплю.

– Есть фантастическая тема. Пальчики оближешь.

– Вы на часы смотрели?

– А что с моими часами? Мда, поздновато. Извини. Ты уже спала?

– Я бы сказала, рановато. Я могу продолжить делать то, чем занималась до вашего звонка?

– Разливай. А чем это ты занималась?

Слишком игриво для такого часа.

– Я спала.

– Да, прости. Она спала. Мы тут немного выпили. Спи спокойно, а когда проснешься, я расскажу тебе об одном самоубийце, застрелившем себя из старого ружья. Но дело в другом. Ружье двенадцать лет назад...

– Прощайте, Евгений Карлович. Мобильный я сейчас тоже отключу.

– Ну спи, спи.

– Ты помнишь расстрел посетителей кафе «Штурман» на 25й Чапаевской?

– Смутно.

– Ну да, ты тогда другим интересовалась, – Крон почесал затылок. – Рассказываю. В июне 1996 года, ближе к семи вечера, в кафе зашли два молодых парня, сняли имеющееся оружие с передков и без предупреждения стали палить по залу.

Погиб бармен и семеро клиентов: молодая парочка, компания работяг и пожилой мужик. Осталась в живых официантка, в подсобке возилась. Ее слегка зацепило, рикошетной пулей. Хватило глянуть в щелку. Почти ничего не видела, но утверждает, убийцам было по лет двадцать пять, не более. Больше обслуги в тот день не было, даже посудомойки. Кафешка ниже-среднего уровня, почти забегаловка.

Она надула щеки и выдохнула, – в кабинете шефа было жарковато.

– Вот уж, действительно, срочность, – из-за этого надо будить людей ночью.

– Ну извини, мне всегда кажется, что ты рядом и все новости должна слышать одновременно со мной.

Александра чуть приподняла штанину джинсов и оглядела каблук.

– За эти слова я вас прощаю. На этот раз.

– Ну, Слава Богу. Дальше слушать будешь? Повторять немного тяжело.

– Чем квасить с подполковником по ночам, спать надо. В вашем возрасте...

– Это уже хамство. Слушаешь, нет? В 96е такие события были чем-то вроде производственной необходимости: нападение списали на разборки крышевания, чем оно и было. Уголовное дело, само собой, открыли, подержали с месяц на следовательском столе и положили на полку.

– Классический «висяк», – кивнула женщина.

– По инерции, спасибо советской выучке, произвели подробный осмотр места преступления, проверили оружие и составили баллистическое исследование.

– Это я понимаю. Вы бы ближе к сегодня.

– Молодость, молодость, дали бы старичкам воспоминания пожевать. Стреляли из АК-47, второе оружие, – охотничье ружье, централка. Ага. Позавчера в Ильичевске мужчина шлепнул себя из этого самого ствола. Трассеология совпала. Всплыло, так сказать.

– Что, мужчина видный? – уточнила женщина.

– Нет, обыкновенный пенсионер с циррозом печени.

Александра наморщила нос.

– Вот бы, шеф, вам начинать с того, почему это вас так привлекло. Сынок его стал министром юстиции, супруга парикмахерша жены мэра, под паркетом нашли сценарий убийства президента?

– Нет, пенсионер тише воды. Конечно, без известных людей не обойдемся. Тебе знакомо имя Шота? Шота Папишвили.

– Богатый человек, будет участвовать на следующих выборах в Раду, что еще... Это его ружье?

– Какая-то ты сегодня неконструктивная. К подполковнику Лунгулу обратился некий гражданин, который считает, что Шота в 96м входил в группировку, подминавшую под себя Черемушки, и, возможно, отдал приказание стрелять по посетителям «Штурмана». Понятно, для чего.

– А не слишком много крови только для того, чтобы отобрать кафе?

– Тот человек предполагает, что это была показательная акция, на кону стоял район влияния со ста двадцатью тысячами жителей. Куча общепита, магазины, таксопарк. А кровь... кто в середине девяностых смотрел на кровь?

– И подполковник...

– Слава предложил гражданину мой контактный номер телефона.

– И гражданин готов раскошелиться?

Крон потер затылок и страдальчески сморщился:

– Уже. Пятьдесят тысяч. Задаток, подчеркиваю.

– Riskну предположить, кто этот гражданин. – Александра щелкнула пальцами. – Это, – противник Шоты Папишвили по избирательному участку, да?

– Ты права, увы. Виталий Всеволодович Панченко, действующий представитель народа по соответствующему округу.

– А собственно, почему появился этот слуга народа? Ждал, когда выстрелит ружье?

– Почти. – Крон нащупал стакан с водой и отпил глоток. – Слава Лунгул никогда не держит яйца в одной корзинке, и резво подторговывает компроматом, где может. Не удивлюсь, если Шоте он продал что-нибудь также резко пахнущее, в чем измазана визитка Панченко.

– Все равно не понимаю.

– Ты удивляешься, почему именно Панченко получил информацию о ружье? Как я уже сказал, подполковник активно ищет грязь для Панченко, а во-вторых, и это абсолютно конфиденциально, – сам Панченко в свое время был рядовым бойцом, то ли в той же самой группировке, то ли в конкурировавшей с ней бандой. Шота в то время якобы был бригадиром по рэкету, и правой рукой лидера группировки. Так что сам, конечно, не стрелял.

Александра покачал головой:

– Хорош у нас депутатский корпус, надо сказать. Куда катится Украина?

– Туда же куда и остальные. Только мы начали катиться несколько позже, лет эдак на восемьдесят.

– И вы, наплевав на свои принципы, станете топить одного бандюка на радость другому?

– Саша, не надо меня оскорблять. Если я докажу причастность Шоты к расстрелу в 96м, это послужит целям всеобщей справедливости, не так ли. Если Панченко был рядовым банди-

том, это еще не значит, что на нем кровь, да и предположений у нас нет никаких. К тому же не он наша цель в этом деле.

Он остановился и, усмехнувшись, добавил:

– Глупо было бы предположить, что можно найти всех виноватых, убивавших и насильничавших в безвременье девяностых. Но неужели ты на секунду можешь подумать, что если мы нароем что-либо на самого Панченко, я оставлю это тлеть в своем сейфе?! Мы не платные цепные юристы, мы третья власть! Мы элита! Поняла, Александра?

– Эк вас понесло с бодуна, Евгений Карлович.

Виктор Черпаков тридцать лет прожил в пятиэтажной хрущевке, в полукилометре от уреза воды, в неудобной, захлавленной квартире. В подъезде пахло кошками и газом, подниматься приходилось мимо обшарпанных дверей из стальных листов.

Его жена оказалась полной одышливой женщиной, щеголявшей в грязном заношенном халате, заплаканная и сердитая. Она еще не пришла в себя после похорон, но решительно согласилась на беседу, особенно разглядев купюру, осторожно положенную Александрой на скатерть.

– Ирина Сергеевна, – спрашивала журналистка, осторожно нащупывая направление своего допроса. – Виктор Семенович часто ходил на охоту в последнее время?

– Нет, конечно, – ответила пожилая женщина. – Все стало дорого, и лицензия, и патроны с дробью, так он больше по рыбалке. Посчитай, лет семь как не был. А раньше приносил, дичь-то, мясо, в сезон не переводилось. Да и не в сезон...

Она подмигнула припухшим глазом, но тут же сморщилась и шмыгнула носом:

– Зайцев приносил, птиц, а вот как вышло, сам из себя дичь сделал.

Она принаоровилась зареветь, и Александра срочно спросила:

– А почему он это сделал, вы не знаете?

Ирина Сергеевна приостановилась и с удивлением посмотрела на собеседницу.

– Так пил же Виктор, не просыхал.

– Вы думаете, это из-за водки?

– Ну да. Запойный был мой муженек. И как выпьет, все смысл жизни ищет. Из-за правды то кассиру рожу набьет, то на футболе подерется так, что глаз не видно, да что там говорить...

– Сильно употреблял? – участливо спросила Александра.

– Ох, сильно, милая, до зеленых чертей. В 99-м лечила я его, да что толку. Через неделю по новой запил. Вот и загрустил милочек мой, жалко ему, видите ли, меня стало, что мне жизнь загубил, и – бабах!

– Он что, вас предупредил?

– Почти что. Дня три гундел на эту тему, кис да скис, обещал все решить одним ударом. А как пошла я за хлебом, он и стрельнулся.

Женщины помолчали.

– А что, Ирина Сергеевна, ваш супруг какого года?

– Сорок третьего.

– Ага. Он имел обыкновение одалживать свое ружье? На охоту сходить, мясом поделиться?

– Да ты что. У настоящих охотников это не принято. Нет, никогда.

Александра вздохнула.

– Вы когда-нибудь брали на квартиру, – студентов, или отдыхающих?

– Да, при наших доходах это неплохое подспорье.

– И давно у вас живут?

Женщина задумалась, теребя рукав халата.

– Да как на пенсию вышла, двенадцать лет назад.

– То есть в 95м?

– Ну да, так и есть. На пенсию не проживешь, сама знаешь. Вот эту комнату освободили, сами в большой, жили потихоньку.

– Не помните, первый жилец сколько прожил?

– Нет, не помню, девочка была, но недолго, месяц или два. Уехала домой. Потом, года полтора жил парень, спортсмен. Хороший мальчик.

Александра небрежно поддела пальцем ручку чашки с остатками жидкого чая.

– То есть этот парень жил у вас в течение всего девяносто шестого?

Черпакова прищурилась:

– Да, выходит так. В девяносто седьмом, по моему, к декабрю, опять девушка жила, Жанна.

– А спортсмена как звали, не помните?

– Дмитрий, -твердо сказала хозяйка.

– Где учился этот Дмитрий?

– Это что, не твой родственник? Смотри, покраснела. Или любовь?

– Ну, почти.

– Автомобильный техникум. Точно так. Только учился он кое-как, собирался, по -моему, бросить.

– Так.

На остальные вопросы, откуда Дмитрий родом, куда мог уехать и были ли у него друзья, пусть даже с криминальным уклоном, женщина в халате ответить не смогла. Не помнила.

Тем не менее Александре повезло. На вопрос, не ходил ли Дмитрий с мужем на охоту, Черпакова оживилась.

– Ходил, раза два, не меньше. Больше, правда, вина выпили, чем стреляли.

Александра поняла, что сегодня удача на ее стороне, когда хозяйка, кряхтя, вытащила из под дивана коробку из-под ниток, заполненную фотографиями. Еще полчаса ушло на перебирание фотографий, сопровождаемые комментариями типа: «А вот мы у Васи на даче», «Елена, моя сослуживица», и, наконец, на свет появилась фотография группы мужчин с ружьями, позирующих на фоне жидкой рощицы. Фотография была вполне качественной, чуть скрутившаяся по краям. Четкое изображение, лица не смазаны. С краю стоял стройный парень, шурился в объектив.

– Вот он, Дима, – ткнула ногтем в фотку Черпакова.– Красавчик.

– Дмитрий Кравчук, – объявила секретарша, возвращая фотографию с охотниками. – И вам повезло. Я здесь работаю с 94, поэтому его и запомнила. Документов не осталось, потому что этот студент диплом не получил. Его арестовали, за участие в большой коллективной драке, кажется, в декабре 96го.

– У вас великолепная память, – польстила Александра секретарше. – Наташа, можно вас пригласить попить кофе, может, ещё что-нибудь вспомните? С кусочком пирога.

Полная, крашенная Наташа оглянулась на дверь завуча.

– Если на полчаса, – сказала она неуверенно.– Один кусочек, не больше.

– Кравчук был красивый парень, – призналась секретарша, когда они устроились за столиком в кафе.– Поэтому я его и запомнила, он многим нравился. Парень занимался карате и ходил чуть не по улице зимой босиком. На вытянутой руке девушку держал, на весу. Где-то во втором семестре сошелся с другим экстремалом, на их курсе, тот его и втянул в организованную уголовщину. И все у Димы пошло наперекосяк. Стал занятия пропускать, один раз видела его в очень неприятной компании, – бритоголовые качки, кожаные куртки на спорткостюмах. Помните моду тех лет? А потом эта драка.

– А что за приятель был у него на курсе?

– Вот этого я совсем не помню. Какой-то блондинчик. Кажется, их вместе задержали в той драке.

Больше ничего вытянуть из словоохотливой Наташи не удалось.

Крон был доволен. Паша только что вернулся от подполковника, и принес в зубах вкусную косточку.

Паша тоже светился от торжества и поглядывал то на Крона, то на Александру.

Крон доложил:

– Дмитрий Кравчук проходил по делу о массовой драке на Южном 10 декабря 1996го. Это был тот же передел сфер влияния. Все об этом знали, но участники прошли по статье «Злостное хулиганство» с отягощающими обстоятельствами. В драке двоих подрезали, одного забили арматурой, еще двое остались инвалидами. Но это все не главное. Ну -ка, повтори, Павел.

– Дмитрия Кравчука осудили, он сидел здесь, в городе. Подполковник сообщил кличку, – Босой.

– Это наш, – радостно сказала Александра.

– Ну, конечно.– Крон кивнул.– Босоногий боец. Что же это нам дает?

– Надо искать Босого, давить на него, – срока давности ведь нет? И ломать насчет Шоты.

– Звучит, как план. Паша, поиск людей по паспортным данным, -это твоя проблема, дружок. Садись за компьютер, покопайся в архивах, и так далее. Возьми кого-нибудь в помощь. Найди нам этого спортсмена.

Через три часа Паша принес ответ и на этот вопрос. Он мудро учел, что парень пару семестров проучился в автомобильном колледже. Прошерстил автосервисы, и в двадцать пятом по счету нашел нужного работника.

– Повезло, – усмехнулся Паша. – Слесарит, как будто не было кровавого прошлого. Навестим?

Его бил охотничий азарт.

– Навестим, только без тебя. Занимайся своими делами, спасибо тебе.

Крон повернулся к журналистке, курившей сигару и пускавший в потолок дым.

– С этого момента, Саша, мы ходим, оглядываясь, и по веревочке. Думаю, что Шота уже знает о том, что ружье опять выстрелило. И еще: Босой, – убийца со стажем, и чтобы избежать ностальгии по прошлому, может вспомнить навыки. Кроме того, не знаем, сохранились ли его связи с Шотой. Черт его знает, может, бывший бригадир помнит о своих подчиненных, и использует их по прежнему назначению.

– Мы про Шоту еще ничего не знаем.– Заметила Александра.– Все впереди.

– Угу. Потому надо быть осторожным, – мы действительно, этого господина не знаем. Но знаем, на что он способен. С сегодняшнего дня тебя по очереди возят близнецы, можешь с ними флиртовать по дороге. А к Босому поедem вместе, вдруг разговор получится? Прямо сейчас.

Сегодня был Леонид, с зеленым значком на лацкане. Он был молчалив, пиджак оттопыривал пистолет с резиновыми пулями. Машину он вел, как бог.

Автосервис был у черта на куличках, и, пока ехали, обсуждали, что и как говорить Босому.

В боксах была суэта, обслуживались сразу несколько машин. Крон сделал знак Леониду держаться не слишком далеко, и подошел к мастеру в фирменном комбинезоне, бортировавшему колесо для стоящего неподалеку пыльного БМВ.

– Димыч где-то здесь, – сказал мастер через плечо. С его лба капал пот.– Только что его слышал. Если нет в гараже, гляньте в подсобках. Посмотрите снаружи. Может, курит за боксом, там у нас тенек.

Александра была уверена, что Босого уже и след простыл, но она ошиблась. Босой был там, за боксом. Лежал в тенике, в лужице крови, рядом дымился окурочок.

Леонид потрогал шею Кравчука.

– Готов, – констатировал он.– Уже на небесах.

– Не успели, – с сожалением отметил Крон, глядя сверху вниз на убитого. – А ведь несколько минут, не больше.

Он огляделся по сторонам, но в тупике злоумышленника, сделавшего аккуратную дырку чуть пониже солнечного сплетения Дмитрия Кравчука, не наблюдалось.

– Черт, нехорошо совсем.

– Смотрите, он почти не изменился, – Александра склонилась над трупом и вгляделась в лицо Босого.– Такой же атлет, как на той фотографии. И кто же его так?

Болтик досадливо чмокнул губами.

– Леонид, звони подполковнику, пусть присылают бригаду. – Приказал он.– Вот так так. Как говаривал один умный человек лет сто назад и по другому поводу: оружие сделало полный круг и теперь направлено против того, кто его поднял первым.

– Что и к нам относится. – Нервно сглотнула Александра.– Однако наша ниточка порвалась.

– Мда. Вот незадача. Сейчас Лунгул разворчит, мол, у меня свидетели мрут, как африканские младенцы.

Уже в машине, после долгого молчания Крон сказал:

– Я знаю, что делать. Свяжем ниточку, правда, очень некрасивым узелком, да что теперь поделаешь.

Ресторан «На Канатной» был пуст. Немудрено, еще нет двенадцати. Ко времени обеда уютно стильное помещение заполнялось клерками, приходившими сюда утолить голод из многочисленных офисов и контор, рассыпанных по прилегающим улицам. Место бойкое, что и говорить.

Крон дождался милой стройной официантки, испросил чашку зеленого чая и стал мять фильтр папиросы, мимолетно отметив, что это вторая за сегодняшний день. Когда девушка принесла заварной чайничек, чашку и нарезанный лимон на блюдечке, Крон жестом остановил ее.

– Хозяин на месте? – спросил он.

Девушка замялась.

– Не беспокойтесь, мы хорошие знакомцы с Давидом Гургеновичем. Я хочу поболтать с ним о старых временах.

– Давида Гургеновича пока нет, но мы можем позвонить ему. Если у вас есть время...

– Спасибо, я подожду. Принесите меню.

Через три минуты на плечо Крона легла мягкая рука.

– Добрый день, Женя, – произнесли сзади с сильным кавказским акцентом.– Что это ты решил вспомнить прошлое?

– А ты откуда появился? – удивился Крон. – С улицы?

– Ага, – хозяин ресторана сел напротив и испытующе посмотрел на гостя. – А ты откуда взялся? И главное, зачем?

Его лицо напоминало топор, побывавший в огне, – узкое, кожа выглядела сожженной, губы почти черными. Живые умные глаза прятались за седыми прядями, свисавшими со лба.

– Я ведь сказал твоей девочке, – хочу вспомнить старые времена.

– Лучше не стоит, – худое лицо собеседника слегка исказилось.– Пусть остаются там, где есть.

Крон огляделся по сторонам.

– Эй, Тапир, – мягко сказал он, и ему показалось, что хозяин напрягся. – Ты ведь мне должен.

– Нормальный мужчина не напоминает об этом, – бесстрастно ответил тот, кого назвали такой чудной кличкой.

– Ты считаешь, что я плохой мужчина?

Тапир почесал ухо.

– Черт бы побрал тебя, Женя, – он скривился. – Может, и стоило тебя тогда...

– Ты до сих пор жалеешь, Тапир, что не прикончил меня?

– Что ты хочешь, Женя? У меня нет времени болтать о пустяках.

– Ну, конечно. Хозяйство. – Крон скользнул взглядом по стойке.– Сколько вложил, Тапир. Все, что скопил непосильным трудом?

– Не суй свой нос в мои дела. Ты не изменился, писатель.

– Я не писатель, а журналист, горец. Так что, поговорим?

Тапир усмехнулся.

– Ты словно выплюнутая жвачка, Женя.

– Теперь ты меня решил оскорбить? Только кинжал я дома забыл. Поговорим или нет?

– О чем?

– О Шоте. Папишвили.

Тапир встал:

– Зачем он тебе?

– Как будто ты не знаешь.

– Я не буду с тобой говорить. Этого конченого даже мухи облетают.

– Будешь, Тапир. Ты мне должен.

Хозяин сел.

– Ты идиот, Женя. Эта болтовня, – вредно для здоровья.

– А мы осторожно. Шота был в группировке, контролировавшей Черемушки и Южный рынок в конце 90х?

Тапир вздохнул и в упор посмотрел на Крона:

– Да.

– Мне что, клещами из тебя вытягивать? Колись, раз карта легла рубашкой вниз.

– Шота ходил под Маршалом. Со временем стал его первым помощником.

– Он занимался рэкетом? – уточнил Крон.

– Да. Ходили слухи, что он в результате завалил самого Маршала, чтобы занять его место, но к тому времени менты набрали силу, и банду разбомбили.

– А Шота?

– Ушел в тень, вынырнул уже как будто честный лох.

Крон пощупал стенку чашки. Чай уже остыл:

– Тебе незнакома кличка Босой?

Тапир покачал головой, подумал:

– Никогда не слышал.

– Помнишь расстрел в «Штурмане»? Босой был там.

– Про Босого ничего не знаю. – Тапир помолчал и добавил:

– А вот что в том деле участвовал брат Шоты, знаю доподлинно. Младший брат, звали

Резо.

– Резо был на год младше брата. Карьеру бойца начал в банде Маршала раньше, чем Шота занял место советника. Но выше не поднялся. Шота отправлял брата на самые ответственные акции, видимо, доверял.

Крон замолчал и стал орудовать вилкой и ножом, расчленяя жареную скумбрию. Они сидели в «Марио» втроем, – Александра тоже обедала, а Сема Гройсман пил воду.

Он следил за своим здоровьем.

– Резо имел погремуху Брюлик, и...

– Почему Брюлик? – заинтересовалась Александра.

– Тапир не знает, почему. В девяностых годах блатным уже не давали строго соответствовавшие внешности, роду занятий или положению клички, как раньше среди воров в законе. Беспредел.

– А может, все-таки есть связь между кличкой и...

Болтик проглотил кусочек скумбрии и сгреб вилкой грибочек с края тарелки:

– А почему Маршал? Он такой же маршал, как наш оператор Витя балерина.

Александра с аппетитом грызла косточку.

– Да, Глазик на балерину не катит. И что было дальше?

– Резо был арестован, как и многие другие члены банды, – продолжил Крон, отдавая должное рису с овощами. – Брюлик попался на ерунде, иначе не сидел бы в общем следственном изоляторе.

– Можно найти адвоката, который с ним работал, – предложил Семен. – Проблематично, но можно. Если адвокат в городе, мы узнаем все.

– Это мысль. Мы вернемся к ней, а пока у меня другая идея. – Крон отбросил вилку и задымил папиросу, сложенную двойным узлом на мундштуке. Продолжил, поискав глазами пепельницу:

– Потом... Тапир слышал, что Резо отсидел свое, начал какое-то дело, и затем свалил в Штаты. Говорил он это мне не слишком уверенно. Может, уехал, может, нет.

– Когда это могло быть?

– А вот подробностей не имеется. Думаю, в 97—98м. Оттого и просьба к тебе, Семен. По своим каналам найди выход на администрацию тюрьмы, чтобы мы могли покопаться в архивах. Подмажь там, кого надо. А ты Александра, пойдешь туда, поработаешь с документами.

– Прелестная перспектива, – женщина положила в рот очередной кусочек ароматной баранины.

Александра показала охраннику свое милицейское удостоверение, привычно прикрыв указательным пальцем слово «внештатный». Так оно солиднее выглядело.

За окном мерцал серый дождливый денек.

Шаги громыхали в каменном коридоре, освещаемом узкими стрельчатыми окнами. От холода и неуютта щемило зубы. Грубо окрашенные синей краской стены. Краска заканчивалась выше уровня плеча, сверху, – зернистая штукатурка, похожая на плохо отстиранное казенное белье.

Грохот секторных решетчатых дверей не добавлял тепла.

В полуподвальном архиве вольнонаемная тетка, в вязаной кофте и носках, провела Александру в нужный тупик обширного здания под низкими сводами, и равнодушно ткнула в стеллажи.

– С девяносто пятого по девяносто девятый здесь и там, – промурлыкала она грудным голосом. – Стол с лампой вон в нише. Захочешь чаю, приходи.

И ушла, прежде чем Александра успела спросить, куда ей двигаться дальше, если дело вдруг не ограничится 99м.

От плотно сжатых папок шел сырой дух, многие переплеты были сильно растрепаны, и казалось, что компьютерная революция, бушующая в мире, так никогда и не коснется этих полок.

Александра сжала зубы и раскрыла фомуляр...

– Пять дней, – пожаловалась она Паше.– Надышалась бумажной пылью до полного одурения. Холодно, как в феврале. На обед и ужин, – чай из термоса и увядшие бутерброды. Вареная колбаса и мокрый сыр, а на хлеб смотреть не могу. Бр-р-р.

– Да будет жаловаться, Саша, – с порога крикнул Крон. – Тоже мне, гурмэ. Что нашла?

– Все, что там было, – с обидой ответила журналистка.– Покопались бы в этом гнилье. Архив называется! Дерьмо собачье...

– Это от общения с заключенными, – объяснил Болтик Паше, садясь за стол.– Обычно она девушка воспитанная. И все же мы рады видеть тебя, бледнолицая, вырвавшейся из узилища. Причешем, почистим, обогреем. Довольна будешь нами?

– Это совсем другое дело. Еще чуть пожалейте, и оттаю.

Александра передернула плечами. Крон засмеялся:

– Я тебя потом пожалею, обещаю. Не тyani, рассказывай.

– Докладываю. Карьера Брюлика закончилась в тюрьме. Не успел получить срок. Его замочили, прямо в камере. Так что история с отъездом в Штаты не более чем туфта.

Болтик покачался в собственном кресле, глядя на женщину:

– Видишь, каких слов там набралась.

– Дело было закрыто. Ему вменялось нанесение тяжелых телесных повреждений охраннику частного агентства.

– Это все филькина грамота, ясно. – Вставил Паша.– Получается, что и здесь обрыв?

– Не совсем, – Александра явно торжествовала. – Я не только копалась в тамошнем мусоре, но и с людьми общалась. Муж тетки, работающей в архивном подвале, уже двадцать лет работает охранником в этой тюрьме. Старый вертухай...

– Не ботай по фене, милая девушка!

– ... вот я с ним и пообщалась. Кстати, мне бухгалтерия должна возместить сумму, равную двадцати долларам.

– Не бери на понт, краля!

– Да ладно вам, Евгений Карлович, срамить девушку. К тому же у вас архаичный жаргон. Сейчас братва так не базарит. Ну, а теперь сюрприз.

– Давай, а то скучно становится.

– В общем: в одно и то же время с Резо в изоляторе содержался Шота Папишвили.

Крон остановился в нижней точке амплитуды. Кресло накренилось, сверкнули подошвы, и драгоценный шеф упал, куда-то за приставную тумбочку для телефонов, опасно мелькнув лысиной в непосредственной близости с углом столешницы.

– Не убился? – участливо осведомилась Александра, наблюдая, как шеф кое-как выбирается из-за кресла

– Старший брат? – воскликнул Паша.– Ха-ха!

– Только в бумагах ничего нет, понимаете.

– Постой, постой. – Болтик перевел дух и осторожно уместил зад на взбесившееся сиденье.– Чуть не убился. Что же выходит? Шота тщательно скрыл свое пребывание в тюрьме, оттого мы ничего об этом не знаем. Возможно, выкупил свои документы у кого-либо продажного в тюремной администрации. А что, это вполне возможно, тем более тогда. Почистил и в других местах.

– А иначе карьера честного человека и будущего парламентария не светила, – поддакнул Паша.

Александра добавила:

– Охранник помнит смерть младшего Папишвили. Заточка, пырнули во сне. В камере было еще двенадцать человек, может и больше. Долго не искали.

– Похоже на сведение счетов.

– Вот-вот. У меня еще одно предположение, шеф.– Александра запнулась, но продолжила.– Смерть Босого случаем, не месть за убийство брата? Мог Босой желать, чтобы Брюлик молчал об их подвигах?

– Да вряд ли. Босой убил Резо, а Шота отомстил Босому? За уши притянутая версия, никто не поверит. И если это он... Зачем ждать столько лет?

– А если Шота только сейчас, с началом нашего расследования, узнал, что Босой-Кравчук, убийца его младшего братца? Например, от вашего приятеля Тапира?

– Н-ну, – Крон потянулся к телефону.

Положив трубку, он повернулся к сотрудникам:

– Давид Гургенович исчез, уже четыре дня его никто не видел. В помещении ресторана «На Канатной» случился сильный пожар. Здание испорчено, требуется капитальный ремонт.

– Неужели Шота идет за нами?

– Ты по поводу Босого и Тапира?

– Да.

Крон и Александра шли пешком по Преображенской. Мимо проплыл ярко освещенный трамвай.

Сзади шел Ахмед. Улица просматривалась за несколько кварталов вперед, и была пуста. У бордюров дремали брошенные автомобили. Бился в истерике одинокий светофор, словно пьяный монах на необитаемом острове.

– Да, похоже, больше некому. Шота должен понимать, что если мы простирнем в сети его белье, одним прощанием с видами на депутатский мандат не отделаешься.

– В таком случае мы остаемся без действующих лиц.

– Свидетелей грязных делишек никто не любит. Впрочем, самому наивному человеку должно быть понятно, что Папишвили попал. Даже если мы не притащим его в зубы в перчатку, накопленного материала хватит, дабы опозорить его в глазах избирателей. Подполковник тоже не с пустыми руками. Участие в рэкрете, предварительное заключение, – небольшой, но сильно ароматизированный букет.

– Вы думаете, что этого хватит, чтобы не пускать Шоту на выборы? Да таких папишвили полна Рада.

– К сожалению, ты права. – Крон потрепал женщину по локтю. – Мы с тобой не сможем исправить этот мир, но посильную лепту внести обязаны. Мы сделаем все, чтобы попортить предпринимателю Папишвили кровь.

Они оба встряхнулись от заливающего гавканья.

– Это мой мобильный, – виновато объяснил Болтик, вытаскивая трубку.– Записал свою псину, теперь вот, пугаю друзей. Алло!

Минуты три он слушал, спотыкаясь и прерывая невидимого собеседника короткими междометиями. Затем сказал в микрофон:

– Через пять минут на углу Торговой и Преображенской. Белая Тойота? Ок.

Он отключился и коротко хохотнул:

– Ну вот. Как я сказал? Попортим кровь. Да мы всю ее сольем, чтобы сделать колбасу для домашних животных вот увидишь.

– Не заботитесь вы о здоровье зверей. А в чем дело-то?

– Сейчас позвонила некая милая дама, обладающая чудесным эротическим контральто. Или баритоном? Она сообщила, что долгое время была любовницей Папишвили, и знает о нем такие интимные подробности, которые, кроме нее не знает никто.

– А если это провокация? – покачала головой Александра. – Или ловушка?

– Такова се ля ва, а точнее, выбранная нами профессия. Мы ведь сами мастера ловушек и провокаций?

– А ей чего приключения на свою... голову, не сказала?

– Обманутая женщина, надо полагать. Считается, что нет страшнее бабы, преданной любовником. Я же думаю, что страшнее рассвирепевшего остаграммленного мужика с ручным пулеметом нет существа.

На перекрестке, впереди, скрипнув тормозами, остановилась белая машина.

– А вот и наша Кармен, – предположил Крон. – а может, Далила. Итак, ты стоишь здесь, в пределах видимости Ахмеда, а я пошел, поболтаю с дамой.

– Но...

– Никаких но.

Болтик ушел. Хлопнула дверка, Александра успела заметить кусочек платья и стройную голень. Она на секунду закрыла глаза, но ничего не произошло.

Так она и подсакивала у бордюра более четверти часа, и белая машина безмолвно стояла на перекрестке, а в десяти шагах позади скучал Ахмед. Наконец та же дверь открылась, оттуда выкатился Крон. Он фривольно помахал рукой вслед белой Тойоте и пошел к Александре.

– Бедная женщина, – явно лицемерно сообщил Болтик. – Тебе не наскучило гулять?

– Нет. Ну, что там?

– Все. Мы готовы к передаче. Завтра она, ее зовут Инна Панова, наговорит Глазику небольшое интервью, и можно писать сценарий. Сделаем экспромтом, в интересах расследования. Иначе не выйдет.

Александра знала, что для расследования с «колес» Крон шел на определенный риск провала передачи, хотя не очень любил это. Не любил накладок.

– Что она сообщила, можете сказать?

– О, это роковая женщина, – хохотнул Крон. – Мало того, что в течение многих лет поддерживала с Шотой тесные отношения, так Шота отбил ее когда-то у младшего брата. Они вместе учились в том среднем специальном заведении. Только в отличие от Резо наша девушка закончила его. Говорит, что между братьями чуть не случилась поножовщина, из-за нее, но обошлось. Переходящий приз остался у старшего брата. Сейчас Шота обзаводится респектабельной женой, достойной избранника народа, а Инну побоку. Вот она и рассвирепела. А потом испугалась. По некоторым признакам, явившимся ей, девушка опасается за свою жизнь. И правильно делает. Такой ротик на месте Шоты я бы закрыл первым.

– О криминальном прошлом Шоты был разговор?

– Знаешь, она феноменальная дура. Кроме постели и денег, видимо, ничем не озабочена. Сейчас ей страшно. Кстати, проверю твою мораль одной пикантной подробностью. Готова?

– Озадачена.

– Знаешь, почему Резо звался Брюлик? Молода ты еще, чтобы это знать, но когда-то среди блатных было модно вшить себе в кончик некоего телесного тела некий драгоценный предмет. Хи.

– Господи, что за гнусные шутки.

Крон извиняющим жестом прижал руку к сердцу.

– Поверь, так было. Из песни слов не выкинешь. Неподкованные в сексуально-эротической санитарии босяки были уверены, что таким образом поднимают свой авторитет у слабой половины человечества.

– Да ну... – Александра слегка зарделась.

– Ну да. Извини за подробности, скоро ты поймешь, зачем я подвергаю испытаниям твою нравственность. В общем, Резо вшил себе туда первый по его жизни попавший ему в руку драгоценный камешек. Инна уверяет, что украшенице было так себе, мутной воды и небольшого размера, а вот поди ж ты...

– Каков хозяин... – Александра скривила губы. – Дебил, иначе не скажешь. А у старшего ничего лишнего в анатомии не прибавлено случаем?

– Уверяю тебя, Саша, что Шота оказался умнее и искусственных элементов в своем естестве не имеет.

– Я рада за него, – саркастически заметила Александра.

– Ладно. Есть одно обстоятельство, которое я хочу обыграть в передаче, и в этом нам поможет записанное с Пановой интервью. Поехали, я провожу тебя.

– Может, вам опять покажется, что я говорю глупости, но может, все вообще просто? Шота убил младшего брата, из-за мести, и дело с концом?

– А вот это уже совсем не важно, Саша. Мы достали засранца, все остальное всплывет по ходу движения нашего состава.

Он-Лайн означал, что коллектив должен наблюдать за любимым шефом прямо в студии, изображая публику. Коллектив и изображал, слегка зевая под ладошки после трудового дня.

Мизансцена представляла собой рабское подобие зала суда присяжных, – Паша изображал судью, Крон, – обвинителя и юрист-недоучка Валера Лозоватый, – защитника. Присяжные были художественно изображены на заднике, и напоминали участников тайной вечери.

Сегодня за столом Валеры сидел Шота Папишвили в скромном темном пиджаке, купленном в недорогом магазинчике где-нибудь на Пикадилли, Лондон, тысячи за полторы фунтов стерлингов. Его профиль был строг, черноволосая шевелюра аккуратно подстрижена. Украшения, в которых по слухам, щеголял горячий грузин, весившие немало каратов, обвиняемому хватило ума оставить дома. Ходили слухи, что бриллиантами из перстней Шота выбил не один зуб, принадлежавший его верным абрекам, в назидание хорошей службы.

Так что тяга к драгоценностям была семейным пороком, подумала Александра.

Как Болтику удалось затащить Шоту на передачу, она могла только предполагать. Зная красноречие шефа и пристрастие Папишвили к публичности, хватило, видимо, и пяти минут.

Крону удавалось странным образом вызывать в самых отъявленных подонках живой отклик в желании установления справедливости. Он умел поманить загипнотизированную жертву шансами на полное оправдание в глазах у зрителей. Каждый в глубине души считает себя маленьким, обиженным ребенком. О опыте предыдущих персонажей, свидетельствовавшим, что черных кобелей в передаче «Журналистского расследования» не только не отмывали добела, но еще и обильно поливали нечистотами перед тысячами зрителей, в момент дачи согласия Крону потенциальные герои как-то забывали.

Действие тем временем началось.

– Утверждение, что Шота Папишвили принадлежал к ОПГ, занимавшейся в городе рэкетом, притянуто, – вяло наскокивал на Крона защитник Валера, имитируя схватку.

Опытный зритель вряд ли обращал на это внимание, самое интересное начиналось во время обвинительной речи Болтика. Судья тоже делал вид, что он здесь не случайно, сыпал ненужными вопросами.

Папишвили потел.

Наконец дали слово Крону. Он встал, прошелся перед камерами, разминая ноги, и повернулся мощным телом к защитнику.

– Уважаемая защита, как вы думаете, кто сидит у вас за столом?

– Странный вопрос, – бойко ответил юрист-недоучка. – Гражданин Папишвили, которого обвинение вот уже почти месяц необоснованно преследует, за якобы имевшую место в прошлом, преступную деятельность.

– Папишвили, это всем видно. Но как его зовут? Я утверждаю, что на передаче присутствует не Шота Папишвили, а его брат Резо.

Случился увесистый удар по трусам, гораздо ниже резинки.

Папишвили вскочил с места и заорал:

– Ты свихнулся, журналюга! Кто тебе позволил поминать имя моего несчастного брата? Ну, погоди, скоро мы притянем таких к ответу!

Казалось, он готов грызть стены и рыть паркет. Крон приплясывал у канатов, слушая счет рефери.

– Думаю, что надо дать слово гражданину Папишвили, – вставил слово судья. – Вы, господин Крон, не возражаете? Продолжите потом, если будет что сказать.

Публика зашепталась.

Крон пожал плечами и сел. Папишвили минут пять произносил страстную речь в свое оправдание, но так ничего нового не сказал. Было впечатление, что граната, которую метнул в о вражеский окоп в самом начале Болтик, всерьез контузила оборону.

Наконец судья усадил ставшего повторяться Папишвили на место, и Крон продолжил свои прогулки перед камерой.

– Итак, я утверждаю, что в камере тюрьмы убили Шоту Папишвили. Резо удалось занять его место, – переодеть робу с номером. Зрители могут убедиться, что между братьями было достаточное фамильное сходство. Вот фотографии, спасибо. Затем путем подкупа администрации Резо уничтожил документальные свидетельства того, что оба брата были в изоляторе в одно и то же время. В архиве остались только документы на якобы погибшего Резо. Уголовник по кличке Брюлик исчез, была пущена версия о отъезде в Штаты. Некоторые поверили, что убийства вообще не было.

– Докажи это!

– Уважаемые присутствующие, я прошу разрешения пошептаться с гражданином Папишвили. Обещаю, результаты нашей беседы станут достоянием гласности.

Крон для приличия подождал секунду, затем подошел к неистовому грузину, вращавшему от ненависти глазами. Тот сделал вид, что с негодованием отстраняется, но Болтик ухватил его сильной рукой за шею и притянул к себе.

Секунд двадцать Папишвили слушал шепот Крона, затем запальчиво прокричал:

– Нет там ничего!

– И не было? Не гони!

Крон укоризненно посмотрел на него и опять придвинул непримиримое ухо к своим губам.

Прошло еще две минуты. Папишвили вдруг стал сдуваться, на глазах старея и сутулясь. Дальше и дальше он слушал со все большей покорностью, лишь раз невнятно ругнувшись сквозь зубы. Даже костюмчик походил на днепропетровский пошив. Когда Крон закончил и вернулся на свое место, грузин так и сидел, сгорбившись и глядя в стол.

Затем он резко встал и стоял, переступая, на явно плохо держащих его ногах:

– Я вынужден сделать заявление, – негромко, но четко произнес Папишвили. – Я действительно участвовал в банде Маршала, я посылал бойцов, в том числе брата Резо на акции, при которых совершались убийства. Я попал в изолятор по пустяковому делу и воспользовался смертью брата, чтобы занять его место. Я хотел начать новую жизнь.

Камера совершила наезд, создав крупный план кающегося. Папишвили повесил голову:

– Не вышло...

– Не забудь про Босого и Тапира, – мягко напомнил Крон, словно учитель на опросе у доски.

– Босого, то есть Кравчука я убил, чтобы не проболтался. Ко мне пришла информация, будто нашли ружье, участвовавшее в погроме в «Штурмане». Когда же я услышал, что чертов Крон занялся этой историей, Босой был обречен.

– Спасибо, Резо, – искренне ответил Болтик. – А Давид? Я беспокоюсь о нем.

– Тапира пальцем не тронул, только немного пожег его кабак, чтобы не распускал язык. А он сиганул из города...

Крон сделал знак и два милиционера подошли к столу защиты.

– Не первый раз, уважаемые зрители, у нас из студии уходят под конвоем участники передачи, – растерянно объявил судья-ведущий. – Но такого оборота событий мы вряд ли припомним...

Резо Папишвили встал, демонстративно застегнул пиджак и над сержантским погоном взглянул в сторону Крона. Покачал головой и внятно произнес:

– Начинать надо было с тебя.

Александра долила дымящийся чай в чашку шефа.

– Я вся внимание. Впрочем, я знаю, что вы ему сказали.

– Да. А он ответил, что никакого бриллианта там нет.

– Это так?

– Резо был не умнее брата, но со временем сильно изменился. Не мог же он оставить такую деталь?

– Почему же он пошел на признание?

– А ты как думаешь? – Крон усмехнулся. – Его любовница. Одна она видела прибор Резо как с камнем, так и без него, и могла бы свидетельствовать, что шрам остался не от любопытства маленького Резо, совавшего свой нос, и не только нос, в разнообразные неподходящие места, а от конкретной операции. Могла и на врача указать, у которого Резо инкогнито восстанавливал природу. Тот мигом узнал бы работу. Но дело даже не в этом.

– Этого мало?

– Могло оказаться мало, поэтому я сыграл на врожденной спесивости и кодексе чести семьи Папишвили. Я пообещал, что сейчас его телка в прямом эфире расскажет о его интимных тайнах, а также операции, после которой его мужская функция так до конца и не восстановилась. Этого горячий джигит вынести не смог.

– Брюлик остался и без бриллианта, и без свободы, и без светлого будущего. – Александра покачала головой. – Все тайны раскрыты?

– Не совсем. Ты не задавалась вопросом, с чего Инна позвонила именно мне?

– А кому еще рассказать о тайне близнецов?

– Ты думаешь, она внимательный зритель «ЖР»? Не смей меня. Она спутает президента США с Бен Ладеном. А про Крона слухом не слыхивала. На меня ее навел мой старый приятель Тапир. Решил играть до конца, раз начал.

– А эти двое, откуда они знакомы?

– Президент и Бен Ладен?

– Да ну вас, не смешно. Инна Панова и Тапир. Она же любовница семьи Папишвили.

– Такие дамы на одной семье не останавливаются. Начала она, когда Шота сел в тюрьму. От Резо прибытку тоже в тот момент не было, и предприимчивой Инне показалось, что ее жизненный уровень резко падает. В ожидании лучших времен милая дама пошла на панель, – не от голода, для поддержания красивой жизни. На хлеб, и с маслом у нее всегда было, даже в черные времена. Валютная путана, так тогда это называлось.

– А Тапир?

– Когда Резо вышел и нашел нашу Инну, та остановиться уже не могла, и потихоньку продолжила обслуживание богатых клиентов. Это как спорт. А Тапир что, – мужчина свободный, богатый, горячий. Мог себе позволить...

– Тьфу, – сказала Александра и демонстративно занялась своей чашкой.

Крон и клятва Гиппократа

Совещание у шефа «Журналистского расследования» проходило на удивление мирно.

Вяло обсуждали предыдущую передачу, достаточно унылую, что вызывало у Болтика ощущение бешенства. Но сегодня он вел себя на удивление мирно, грустно смотрел на подчиненных, ковырял в ухе кончиком карандаша. Дядя Витя мрачно смотрел что-то на мониторе компактного ДВД, шевеля губами в такт репликам героев.

Паша маялся, с тоской поглядывая на поблескивающий экран своего ноутбука, такой недостижимый в эту минуту. Семен задумчиво уставился в пространство, похожий на манекен в витрине дорогого магазина.

– Нет горячих тем, сплошная древорезная уголовщина, – пожаловался Крон, ни к кому в особенности не обращаясь. – Скоро закроемся, пойдете в гламурные журналы, светскую чепухню придумывать. А ты, Глазик, будешь длинноногих красоток снимать, для обложек.

Он посмотрел на Александру, рисовавшую на листке жирафика с крылышками и скорбно поджал губы. Женщина ответила пренебрежительной гримаской.

Чем объяснялась такая кроткая пассивность, – приступом панкреатита или иными разочарованиями, не связанными с неудачной передачей, Александра ответить не могла. Может, и в самом деле его угнетало затишье на рынке великосветского грязного белья, политических дрызг и проворовавшихся чиновников.

Часы в углу, гордость редакции, захохотали и разразились тяжелым звоном. Ничего не предвещало бури.

Однако все они не знали, что штормовой ветер уже приближался к их тихой сонной гавани, чтобы взметнуть вверх и бросить на пристань беззащитные корабли, поломать мачты и борта, сорвать якоря с цепей...

С грохотом распахнулась входная дверь.

На пороге стояла полная разъяренная женщина. Ее рыжеволосые волосы блестели в свете редакционных светильников, словно борода свирепого викинга, пришедшего на этот берег убивать, насиловать и грабить.

– Кто тут Крон, кто! Вы? – заорала она, тыча указательным пальцем на сидящего за столом Болтика. – Нам всем казалось, – вы наш защитник, на кого еще надеяться в этом сраном государстве?! А вы сидите, своей толстой жопой, на своем кресле, и занимаетесь, пес знает чем! А моего мужа убили!

Семен зарделся. Паша встрепенулся и захлопал глазами. Крон наклонил голову, оглядывая гостью.

– А вы кто? – поинтересовался он.

– Я супруга человека, которого хотят убить!

Александра незаметно зевнула.

– Ну вот, – проворчал Глазик. – Так он еще жив?

Эффектное появление закончилось тем, что женщина разрыдалась, упала на стул у двери, закрыла лицо руками. Ее плечи стали ритмично вздрагивать. Лет под сорок, решила Александра, пририсовывая жирафу пропеллер, – чуть ниже, чем у Карлссона.

– Если жив, так это не к нам, – хихикнул Паша, так тихо, что только журналистке и было слышно.

Крон потребовал принести воды, пересадил плачущую женщину в кресло, ближе к столу, и отправил Глазика, Семена и Пашу покурить на свежем воздухе. Александра осталась.

– Кто ваш муж, жив или нет, и что ему грозит, если жив? – забросал женщину вопросами Крон, нависая над рыжими волосами.

Александра, продолжая наблюдать за посетительницей, решила, что та одета хоть и дорого, но несколько безвкусно. Это навевало образ благополучной семьи, сравнительно недавно разбогатевшей.

– Мой супруг, – всхлипывая, делилась женщина, – Алик Балаганов. Его вчера пытались убить.

– Александра, верни, пожалуйста, Глазика. И пусть камеру свою возьмет. Вы не возражаете... простите, как вас зовут?

– Наталья Аркадиевна, мы записываем вас на видео, – предупредил Крон, его лицо на экране казалось расплывчатым. – Итак, что с вашим мужем случилось?

– Эти гниды помойные, мерзкие неудачники...

У Александры заныли зубы.

– Хватит ли это для передачи? – спросил Крон, выключив запись.

Шторм, потрепав снасти, ушел дальше, в глубину материка, оставив в бухте, то есть в кабинете, вещественные следы разгрома, – разбитый стакан, полную пепельницу окурков, пепел на полу и следы помады, каким-то образом попавшие на спинку кресла.

– Алик Балаганов, – создатель и участник комической труппы «Лица-шоу», человек, хорошо известный в городе, – пожала плечами Александра. – После прорыва «Лиц» на российское телевидение возведен в ранг звезды. Думаю, зрителю будет интересно все, что с ним происходит.

– Но есть ли здесь криминал, а не врачебная халатность?

– В данном случае это, наверное, не важно. Антуража хватает. Известный человек с подозрением на воспаление легких направляется в госпиталь, где его перед бронхоскопией накачивают лидокаином, хотя в его медицинской карте красным цветом отмечено, что анальгетики могут его укокошить. Запись таинственным образом исчезает... Чем вам не детектив?

– Это так похоже на жизнь, что хочется зевать. – Крон с отвращением покосился на беспорядок, оставленный неистовой Натальей Аркадьевной. – Однако других звезд у нас сегодня нет, так что давай покопаемся в этом. И начнем с...

– ...лечащего врача, – кивнула Александра. – Должны же мы услышать точку зрения профессионала. И где врач был в тот момент, когда подопечному вдвухли ядовитое вещество?

– Согласен. Эта крикливая тетка в ажитации могла наорать любую ложь. Балаганова пользовал центр семейной медицины «Саномед». Лечащий врач Скорик М. Е. Пойдешь к медикам сама?

– Михаил Евгеньевич, расскажите, как это произошло?

Врач Скорик хотел казаться солидным и опытным, но общее впечатление портила манера держаться, – суетливые движения рук, постоянное хихиканье в такт своим же словам. Смотрел доктор не в глаза, а в окно или в угол, где пожухлые обои сходились с серым потолком.

– Бронхоскопию надо было делать, безусловно, – сразу же заявил он. – Бронхоскопия однозначно выявляет поражения легочной ткани, что может привести к появлению отечных процессов...

– Я не специалист в этой области, – мягко напомнила Александра. – Мне бы фактики, как это было, кто, во сколько. Вы сами привели Балабанова в лабораторию?

Скорик помолчал.

Был доктор неухожен, – галстук в пятнах, мятые брюки, запах холостяка. Александра поставила бы двадцатку, – рядом любимой женщины не было. Или Михаил Евгеньевич разведен, или любимая женщина охладела.

– Пациента в госпиталь я привел сам. Заведующий Вирт лично проводил бронхоскопию. Перед вводом зонда в легкое была проведена анестезия, в виде впрыскивания десятипроцентного раствора лидокаина.

– Который привел к тому, что у пациента упало давления ниже предельно допустимого для жизнедеятельности, – блеснула Александра, проведшая два часа за чтением истории болезни Балаганова.

Кроме того, накануне она почитала медицинские сайты.

– Иначе было нельзя, процедура чрезвычайно болезненна, – он опять хихикнул.

– Но не так, как смерть от передозировки анестетика? – уточнила журналистка. – Что же важнее, – эта скопия или...?

– Без бронхоскопии мы не можем быть уверены, что это не воспаление легких.

– Интересная логика, – заметила журналистка. – Нет, я никого не хочу обидеть, но получается, что в целях получения верного диагноза надо обеспечить пациента как клиента морга. Так ведь лучше сразу начать со вскрытия, – как я знаю, самого точного способа диагностики!

– Вы позволяете себе дилетантские замечания, – вспыхнул Скорик, но тут же взял себя в руки. – Поймите, аллергия на анальгетики прописана красным цветом в медкарточке Балаганова! Мы приняли все меры, сделали пробу на предплечье...

– И тем не менее этот ваш заведующий использовал лидокаин? Почему?

– Так в том и дело. Эта часть страницы из карточки исчезла. Вместо нее в книжку вклеен безобидный желудочный рецепт. Вирт автоматически использовал широко применяемую анестезию.

– Но вы-то знали о проблеме Балаганова?

– Да отошел я, на полчаса, – в отчаянии хлопнул себя по ляжкам Скорик. – Корю себя до сих пор! Но не было причин, – я знал о записи в книжке, Вирт очень опытный врач, и что совсем трагично, проба не показала положительной реакции. Это чрезвычайно редкий случай! Мало того, после процедуры мы в течение десяти минут наблюдали пациента, обычно за это время проявляется патология. А плохо ему стало почти через час, дома!

– Кто-то мог подменить карту, пока вы тут... работали?

– Практически невозможно.

– И других посетителей не было?

– Ну, были, конечно.

– Тогда, пожалуйста, напрягите память.

Скорик часто задышал и запах пота наполнил пространство кабинета:

– Да не помню я, в госпитале такая толкотня. Когда пришел, в приемной сидел посетитель, я и запомнил его, потому что он был неуловимо похож на Брежнева. Немолодой мужчина, с густой шевелюрой...

– А где эта самая медицинская карта?

– Передо мной, на столе, – устало сказал врач. – Она мне две ночи снится, проклятая.

– Карта подделана, – докладывала Крону Александра. – Взят новый бланк, аккуратно скопированы все записи, а та, главная, красными чернилами, пропущена. Видно невооруженным глазом, что записи, примерно за полтора года, повторены чуть не одним почерком, – экспертизу можно не делать.

– Вот лохи эти лекари, – удовлетворенно сказал Болтик. – То есть подмену мог сделать любой, необязательно врач?

– Скопировать, – любой, но кое-где стоят штампики, особенно на выписках лекарственных курсов, видите? Так что вполне возможно, у злоумышленника был доступ к делам «Саномеда».

– Болото, – констатировал Крон. – Медицина, – это гнилое болото, круговая порука потенциальных уголовников. И они еще толкуют о клятве Гиппократата. Один шлялся по территории госпиталя, – по своим делам, а второму не хватило мозгов расспросить пациента, с каких уколов у того едет крыша. Жена Балабанова утверждает, что тот десять лет назад поплыл от простого укола анальгина, когда был на приеме у дантиста. Неряхи.

– Вы слегка передергиваете, – попробовала урезонить шефа Александра. – Кое-кого они откачивают. Хирурги...

– Вопреки всему, – мрачно упирался Крон. – А этот извечный цинизм: «Любой человек от чего-нибудь умрет обязательно, рано или позже». Скорик до сих пор уверен, что карточка настоящая, только лист вырван? Как таким вручить свое бесценное тело?

У него были свои счеты с людьми в белых халатах.

Журналистка решила не перечить, и протянула Крону конверт с медицинской картой Алика Балабанова.

Крон долго изучал документ, бормоча под нос:

– В самом деле, не шибко искусная подделка. Две трети записей сделаны одной рукой и даже одной ручкой. Ты права, это копия.

– И, как видите, вместо предупреждающей записи рецепт.

Крон отложил карту и довольно хмыкнул.

– А у нас есть подозреваемый. Кроме Скорика, разумеется, с врачами подозрений не снимаем.

– И кто же это?

– Режиссер «Лиц» Анатолий Габер.

– На основании чего?

Крон пожевал губы:

– У Балаганова есть нечто, на чем могут оказаться отпечатки пальцев режиссера, и что, по его утверждению, высказанному мне по телефону, может стать доказательством вины. Кстати, мы при деньгах. Семья Балагановых платит двадцать тысконок задатку, если мы беремся за расследование. Они также готовы на любую гласность. Немудрено, впрочем.

– То-то я смотрю, ваш скепсис по поводу этого дела поубавился. Повеселели.

– Не будь циничной, Александра. А вот и Паша. Как там Балаганов себя чувствует?

Гонец гордо предъявил ношу.

Крон нетерпеливо раскрыл пластиковый пакетик и осторожно вытряхнул на стол маленький предмет. Тот с легким стуком перевернулся, блеснув фиолетовой ступней.

Это был небольшой штампик прямоугольной формы, применяемый для скрепления рецептов.

Крон покачал головой:

– И на нем, как утверждает подполковник Лунгул, пальцы режиссера Габера.

– А как штамп попал к Балабанову? – поинтересовалась журналистка.

– Якобы его человек в театре, уборщик, пошарил в ящиках режиссера.

– Что-то слишком нарочито.

– Мне тоже так кажется. А еще мне кажется, что у режиссера есть искренний, можно сказать закадычный враг.

– Подбросили? – Александра недоверчиво приподняла брови.

– Очень похоже.

– Балаганов?

Болтик пожал плечами:

– А черт его знает, может, из своего несчастья, как из лимона, решил сделать лимонад? То есть притопить режиссера? А может, его жена?

– А жене-то зачем, Евгений Карлович?

– Муж и жена одна сатана. Ну, ты знаешь. А если серьезно, то поговаривают, у Алика и Габера были весьма плохие отношения. Что-то они делили в творческом хозяйстве. Как я узнал, Балабанов собирался увольнять своего режиссера. Черт его знает, формальный мотив налицо. Итак. Надо искать, кому выгодно, чтобы Алик Балабанов перестал лидировать в театре «Лица».

– А это уже вопросы к нашему адвокату, не так ли? – спросила Александра.

– Так. Давай-ка поставим Семёну задачу, – разыскать следы совместной хозяйственной деятельности Балаганова и Габера, контракты, совместная собственность, все, что есть. Звоника ему.

– Габер, – работник наемный, – сообщил Семен, штатный адвокат «Журналистского расследования». – Мне не удалось найти никаких следов его паевого или иного участия в собственности фирмы Балабанова. Авторские права, моральные долги оставляю за рамками доклада, на бумаге ничего нет, только его зарплата, вполне достойная. Есть оговорка в двустороннем контракте, по которому Габер должен отработать в качестве режиссера не менее семи сезонов. Так что «Лица» должны использовать его еще четыре с половиной года. Несколько необычный пункт, но все законно и нотариально заверено.

– Использовать или терпеть? – разочарованно спросил сам себя Болтик. – Значит, весьма вероятно, Балаганов нашими руками хочет свести с Габером счеты. Режиссер, кстати, задержан. Первый тупик, а?

– Как-то не верится, что режиссер, пусть за хорошую зарплату, организовал это миленькое вливание, – высказалась журналистка.

– Могу вам предложить замену, – бесстрастно сказал Семен. – Этот персонаж больше подходит на роль злодея. «Лица» от самого начала, кроме Балаганова, создавал еще один человек, – Виктор Швець. В 2003 году Алик Балаганов отсудил у бывшего партнера права на марку «Лиц». Основание, – злоупотребление совместными счетами.

– И что потеря прав означала для бывшего соратника? – спросил Болтик.

– Прибыль от концертной деятельности, реклама на ТВ, доля от здания театра, ресторан. Мало не покажется.

– Так зачем Швецу устраивать покушения? Все достанется семье, этой рыжеволосой фурии.

Сема помедлил:

– Шансы на судебный пересмотр есть всегда. В данном случае при исчезновении главного противника, при хорошем адвокате возможен встречный иск, пусть с некоторым опозданием. Я бы не стал отрицать возможности.

– И где сейчас этот Швець?

– По некоторым данным, живет в Германии. Я решил немного помочь...

С этими словами Семен достал стандартную карточку, делопроизводительского формата:

– Фотография несвежая, но других не сохранилось. Эта фотокопия паспорта, сохранилась в суде.

– Ты становишься настоящим сыщиком, – похвалил его Крон. – Придется доплатить тебе оперативные в этом месяце.

Он долго рассматривал снимок.

– Вот это да, – пробормотал он, затем схватил трубку. – Паша, срочно ко мне.

Пока Паша поднимался на второй этаж, Болтик отпустил своего адвоката и повернулся к молчавшей все это время Александре.

– Сейчас Павел поедет к нашему врачу...

– К Скорику? Зачем?

– Покажет ему эту фотку. Что он сказал тебе? В тот день ожидал приема или процедур некто, похожий на Брежнева. И что ты видишь?

Александра всмотрелась в лицо Виктора Швеца. Вполне заурядное лицо, густые волосы. Главной достопримечательностью были роскошные, кустистые брови, под которыми прятались злые темные глазки.

– Скорик не уверен, – доложил Паша результаты опознания.– Жалуется, что фотография мелкая. Похож, говорит, но полной уверенности нет. Ассистентка Вирта предположила, будто этот бровастый приходил для консультации, но не дождался своей очереди, – в тот день был наплыв страждущих. Волосы густые, с проседью, зачесаны назад. Скорее полный, чем худой. Больше никто призрачного бровеносца не припоминает.

– Это жаль, – надул губы Крон. – Сейчас милиция под предводительством нашего подполковника проверяет приезжих, авось в какой-нибудь гостинице обнаружится герр Швець. Но нам выгоднее было бы найти его первым. Близнецам придется поводить Алика Балаганова от дома и до тех мест, где он может бывать в силу временно слабого здоровья.

– Швець может проявиться и в театре, – напомнила Александра.– Не исключено, что у него там остался свой человек.

– Где людей напастить, – пожаловался Крон.– Наше положение усугубляется перманентной истерикой мадам Балагановой. Сегодня она звонила, утверждала, что сегодня ночью у забора ошивался неизвестный, пытался заглянуть в окно. Исчез до появления патруля. Как же она визжит!

– Потом он звонил и угрожал смертью мне и Алику, – раздался с порога высокий женский голос.

Крон тяжело вздохнул.

– Я боюсь, – на такой же высокой ноте продолжила Наталья Аркадьевна Балаганова, начав метаться по тесному кабинету. – Ребенок не спит.

– Алик? –простодушно осведомился Болтик.

Женщина смерила его воспаленным взглядом. Косметика на ее лице была положена так криво, словно ее рисовали на ощупь.

– Это шутка?!

– Э... простите, – замялся Крон. –Сколько лет вашему ребенку?

– Семнадцать. Зачем вам это? Нам угрожает опасность!

Некрасивая сцена, переполненная упреками, продолжалась с полчаса, затем Балаганова разрешилась неизменным слезным потоком на плече Болтика. Шеф стоял во весь рост и баюкал рыжеволосую Балаганову, словно младенца, и Александра с трудом сохранила спокойствие при виде этой сцены.

Наконец при помощи двух порций виски из редакционных запасов, поглаживаний по голове и общечеловеческого морального сострадания, Балаганова чуть успокоилась. Всхлипывания превратились в носоглоточное сопение. Крон предположил, что уже можно.

– Почему вы решили, что человек, стоявший под домом, и голос в трубке, – одно и то же?

– Вы предполагаете, их больше?!

Глаза женщины были неправдоподобно большими, и в них хранился большой запас влаги, чем казалось на первый взгляд.

Крон досадливо крякнул:

– Нет, я ничего не предполагаю, – тон, которым это было сказано, должен был успокоить посетительницу, – мне показалось, что вы узнали этого человека.

– Нет. Но какие гадости он говорил. И каким тоном!

Крон показал глазами, и Александра подлила в стакан коричневой влаги.

Понадобился еще час, чтобы убедить Балаганову, что судьба ее семьи не так фатальна и все еще, может, обойдется. Сработал природный оптимизм уроженки города, и, наконец, заполненная не совсем адекватными обещаниями безопасности, она ушла.

Что стоило Крону сегодняшняя встреча, можно было только предполагать.

Но сейчас он и Александра сидели напротив режиссера театра «Лица» Анатолия Габера в комнате для свиданий, а за дверью маячил охранник, иногда наклонявшийся, чтобы глянуть в низкое стекло.

Когда Крон хотел, шеф нажимал на все рычаги, дабы добиться желаемой цели.

Габер выглядел помятым, что было неудивительно. Под глазами залегли тени, на рубашке не хватало пуговицы, светлые волосы торчали в разные стороны. Хоть сейчас в передачу, – и можно, показывая пальцем, обвинить в покушении, да и в чем угодно еще.

– Вы плохо выглядите, – лицемерно посетовал Крон, будто знал режиссера много лет и последний раз видел за день до ареста.

– Странно, не так ли? – усмехнулся Габер. – Притом, что я прекрасно выпался. Здесь масса времени, и мобильный не отвлекает.

Режиссер держался достойно, и журналистка невольно прониклась к нему уважением. Смирным жестом она предложила Габеру сигарету, и он благодарно кивнул.

– Какая жалость, – произнес он, прикуривая от зажигалки Крона. – Восемь дней назад я, наконец, бросил курить. Теперь, само собой, не удержусь. Может, между этими двумя событиями, арестом и отказом от курения, есть связь, как вы думаете?

– А еще говорят, что курить вредно, – заметил Крон с легкой усмешкой. Похоже, режиссер и ему понравился. – Собственно, Анатолий... простите, не знаю отчества...

– Анатолий, – остановил его Габер, с наслаждением выпуская дым. – Толик еще уместнее. Кличкой пока не обзавелся. Впрочем, есть школьная, – Гиря.

– Анатолий подойдет. И что же вы, Анатолий, думаете по поводу всего этого?

– Думаю, что попал в хреновое положение.

– Мда, вполне адекватное определение. Так это вы подменили медицинскую карточку?

– Это что-то новенькое.

– Алик Балаганов чуть не «присоединился к большинству», как англичане говорят об усопших, потому что его карточка с предупреждением об аллергии на анестезию была подменена.

– Даже Алик Балаганов не заслуживает такой участи.

– Зато ваш лидер считает, что вы заслуживаете нынешнего положения, – явно стараясь вывести режиссера из роли стороннего наблюдателя, намекнул Крон.

– Не сомневаюсь. Так вот, для экономии времени, – я не подменял карточку, не предпринимал никаких других шагов, даже не угрожал ему чем-то подобным, – ни очно, не по телефону, никак.

– Вы уже знаете, что у вас в театре нашли некий штампик, использовавшийся в подделке карточки, да еще с вашими отпечатками? – спросила Александра.

– Да, конечно, следователь предъявлял мне эту чертову печатку и результаты экспертизы. – Габер сладострастно затаился. – Этот штампик зачем-то валялся у меня на столе, накануне моего ареста.

– И вы, покрутив его в руках, бросили в ящик стола, – уточнил Болтик.

– Почти так. Только я выбросил его в мусорную корзину, под столом. На что мне эта безделка. Теперь- то понятно...

– Что же вам понятно?

– Кто-то рассчитал, что я обязательно стану рассматривать неизвестную вещь. – Режиссер притушил окурки о край стола. – Элементарная подстава, как обычно в детективах происходит. Затем эту фигню достали из мусорки и положили в ящик. Бесталанно, скажу я.

– Те не менее сработало, – вы попались. Кто это мог быть?

– Алик, кто же еще. Мы сильно мешали друг другу в последнее время.

– Что же, и приступ Балаганов инсценировал? – удивилась Александра.

– Этого я не говорил. Извините за наглость, можно еще сигарету, – прервал себя режиссер. – Спасибо. У Алика каждое лыко в строку, ничего не пропадет. Сейчас даже свое несчастье использовал против своего врага, то есть меня. Балаганов по-своему талантлив, в том числе в построении интриги.

– Скажите, Анатолий, – спросила Александра. – А что вы думаете о семье Балагановых?

– Типичный союз предпринимателей. Раньше между ними были сложности, по слухам, Балаганов допускал грубости с супругой. Как я красиво назвал мужнины колотушки? Ха-ха.

– Алик поколачивал супругу?

– Говорят. – Режиссер неопределенно помахал большим пальцем правой руки в сторону. – Представьте себе, это бывает даже в лучших семействах.

– И часто случались скандалы?

– Однажды я был невольным свидетелем размолвки. Алик не встретил Наташу в аэропорту, и она приехала в театр. Правда, обошлось без мордобоя. Покричали власть...

В дверь стукнули кулаком, озвучив, что время вышло. Габер встал, сунул руки за спину, грустно подмигнул гостям и подошел к двери.

– Ну, что ты о нем думаешь? – спросил Крон, когда они с Александрой садились в машину.

– Мне кажется, что это не Габер, – задумчиво ответила она. – Он добрый. Только одно меня смущает...

– Упоминание об угрозах по телефону?

– Ну да. Откуда он знает, что подобное имеет место, и отрешивается от этого?

– Может, простое совпадение? – Они вышли на солнечный свет, заливавший улицу. – А что по поводу Балагановой?

– Подозрительна, очень. Самое простое: супруга пытается избавиться от грубого, нелюбимого мужа, а когда не выходит, имитирует истерики страха.

Перед ними по проезжей части грохотали машины. Над улицей клубился сизый дымок и было душно. Крон, открывая машину, задумчиво молвил:

– Не забудь, что Балаганов, – та самая курица, несущая золотые яйца. Исчезни Балаганов, и «Лица» сильно потеряют в зрительском рейтинге, не говоря уже о рекламных вливаниях.

– Тогда то же самое можно сказать о пока неуловимом Викторе Швеце, – возразила журналистка, садясь на правое кресло

– Не скажи. У него другой сценарий: вернуть то, что потерял. И с живым Балагановым это маловероятно. С мертвым, по мнению Семена, вероятность резко повышается.

– То есть у нас целых три подозреваемых?

Крон ввинтил тело машины в поток:

– Давай посчитаем. Габер, по версии правосудия, – это номер один. Швеце второй, и гораздо более вероятный. Только чего он ждал столько времени?

– Готовился?

Крон коротко хохотнул:

– Ну да! Это у тебя шутка, или ты просто проголодалась? Поедем, тебе нужна пища для мозга. Ну, извини, извини. Номер три, – Наталья Балаганова. Все?

– Я действительно хочу есть. И вам не повредит. Для гениальных мозгов тоже нужна пища.

Только они сели за столик, залаял мобильный Крона. Он некоторое время слушал, и его лицо потяжелело.

Потом он отключился и сказал:

– Сейчас сюда приедет наш суперагент. Пока мы охаживали дом Балагановых, наш злодей-призрак нанес удар в другом месте.

– Боюсь, что сегодня поесть не удастся, – вздохнула Александра.

Через десять минут появился мускулистый представитель безопасности «Журналистского расследования». Он был взмылен, и спешил сообщить о неприятностях. Крон указал ему на стул, налил минеральной воды, и только после этого разрешил докладывать.

– Через полчаса, после того, как подшефная от вас ушла, – Начал свое повествование охранник. – На объект напали.

Крон сверился с цветом значка на петлице близнеца и уточнил:

– Леонид, так? Твой брат, надеюсь, продолжает следить за домом Балагановых?

– Да, конечно, шеф.

– Слава Богу. Ну?

Госпожа Балаганова поставила машину у парадного...

– Они ведь живут в особняке?

– Она поехала к подруге, которая живет на Троицкой. – Леонид удрученно покачал мощной шеей. – Мы ведь не наблюдали за ней, у нас было задание следить за домом. Балаганова открыла кодовый замок, тут же ее схватили за горло, вволокли в парадное и прижали к стене. Это сообщили из отделения, куда поступил звонок о происшествии. Что там было дальше, не знаю, но она жива, сейчас в приемном покое Люстдорфской больницы, шок у нее...

Болтик грохнул кулаком рядом с тарелкой так, что бокал чокнулся с рюмкой.

На них стали оборачиваться.

– Я с ума сойду, – разошелся Крон. – Эта женщина обладает каким-то даром попадать в истории! Нет других забот! Теперь надо ехать, говорить с ней. Конечно, она ничего не видела, ни черта не знает!! Я сам попаду в приемное отделение, – неврологическое.

– Успокойтесь, – нежным голосом прервала шефа журналистка. – Я съезжу. В таких случаях мужчина только помешает. Положитесь на меня.

– Ты меня сильно обяжешь, – мрачно ответил Крон. – Иначе эта шизофреничка рискует, что я сам закончу дело нападавшего.

– Ну, шеф, не надо кровожадных заявлений.

– Умоляю, съешь карпаччо. А ты, Леонид, сейчас будешь обедать моим бифштексом. Что-то у меня исчез аппетит.

В больнице было шумно и пахло медикаментами, туалетом и чем-то еще непередаваемо гадким. По коридорам бродили неприкаянные пациенты, – видимо, искали, кто бы взялся за их лечение.

Балаганова полулежала в маленьком кабинете на кушетке, обтянутой искусственной кожей. Над ней ворковали три фигуры в белых халатах.

У женщины было лицо хорошо выпившего человека, – сонное, но пытающееся сохранять выражение напряженного внимания. Шея была затянута лангеткой.

– Хватит, – говорил высокий врач, осматривающий порожнюю ампулу. – Иначе она у нас отключится.

Он повернулся на приветствие.

– Вы с ума сошли, – сказал врач чуть позже. – Пострадавшая не в том состоянии. Ей нужен покой, понимаете. У нее шок, плюс успокоительное...

– Я здесь ненадолго, – раздалось с кушетки. – И вообще, вон отсюда. Она пусть останется.

Медсестер сдуло сквозняком, врач нехотя попятился:

– Заклинаю вас, не перенапрягайте ее. Сейчас за ней приедут, ей, конечно, у нас не место.

Так что смотрите, я за вас отвечать не буду.

– Вон, – тяжелым голосом проговорила Балаганова.

Высокий человек в халате сделал грозное лицо и вышел, притворив дверь. Его плечи опустились, словно в ожидании удара.

Журналистка взяла стул, села у кушетки и посмотрела в лицо женщины. Балаганова действительно не была готова к вопросам.

Тем не менее Александра рискнула:

– Что произошло? – участливо спросила она, взяв женщину за руку.

– Он схватил меня за горло, – с трудом прохрипела Балаганова и показала указательным пальцем на лангетку. – Прижал к стене и показал нож. В подъезде было темно, но лезвие я разглядела хорошо. Оно... так отвратительно блестело.

– Он что-то сказал? Что он хотел?

– Он сказал, что им не удалось придушить Алика, но это вопрос времени. Пообещал, что прирежет меня, если Алик не изменит поведение.

– Поведение? – Александра округлила глаза.

– Да... – прошептала Балаганова. – Ее глаза закрывались, подбородок то и дело падал на грудь.

Александра мысленно прокляла все на свете, но продолжила теревать ее рукав.

– Какой у него был голос?

– Он... шипел, будто задыхался...

– А внешность? – настойчиво продолжала журналистка, подавляя приступы угрызений совести. – Вы не запомнили?

– Брови... такие кустистые. Лицо было в тени, может, чем-то повязано. Волосы... падали на лоб...

Голова Балагановой свалилась набок.

Сзади заскрипела дверь и в кабинет вошли. Александра обернулась.

Казалось, все помещение занял дородный мужчина в дорогом спортивном костюме. Его круглое лицо было покрыто загаром, жесткие волосы обрамляли массивную голову.

– Что? Кто? – горячо задыхался он, и кабинет наполнился запахом дорогого алкоголя и духов. – Вы из милиции? Вы что, допрашиваете ее?! Да я мэру буду жаловаться на вас! Петя, забирайте Наташу отсюда, быстро. А вы готовьтесь к неприятностям!

– Опять бровастый, – Болтик сосредоточенно складывал мундштук папиросы. – Ох, не верю я, что это Швец. Слишком назойливо его подставляют. Словно манекенщица демонстрирует новое платье на показе мод. И вообще, вопрос не в том. Кто хочет, чтобы мы думали, что это бывший партнер Балаганова. Сам Алик? Кто-то из театра? Или Габер имеет связь с внешним миром?

– И что хочет таинственный незнакомец? – подхватил Паша. – Ночные прогулки под домом, ночные же звонки, нож. Отвратительно блестящий. Какое такое поведение имел в виду нападавший?

– Очень похоже, что это наглая, навязчивая демонстрация, – Болтик посмотрел на кончик сигареты и поискал глазами пепельницу. – Знаете ребятки, это мне напоминает достопамятную базарную разводку. Тебе упорно показывают не то, что ты должен видеть. Шарик якобы под левым наперстком, а на самом деле между пальцами игрока.

– Как любой иллюзионист, – поддакнул Паша. –левой рукой машет перед носом, а из правого рукава выпадает голубь.

– Дохлый, – кивнул Крон. – Иди, Паша, работай. Ну что, Саша, твои выводы я еще не слышал. Говори.

– Не знаю, – пробормотала журналистка, выдыхая сигарный дым. – Говорить, что нападение, – постановка, я не смогу, – Балаганова действительно испытала шок. Бровастый вполне может быть бывшим партнером Балаганова. Почему нет? Согласна, выглядит нарочито, но ведь все в этой истории люди, имеющие отношение к шоу-бизнесу, привыкли все выставлять напоказ. И не Наталья меня заинтриговала в той больнице.

– Ага. А кто же?

– Во первых, сам Балаганов. Ввалился в палату, шар для боулинга. В его крикливых претензиях была наглость, спесивость и хамство, но не было искренности. Он так же, как и супруга, испуган до чрезвычайности.

– Так-так. А во-вторых, кто?

– А во-вторых, врач больницы. Высокий такой, худой.

– И что же тебя жмет?

– Так все то же. Они вкололи Балагановой кучу препаратов, не проверив ее на их восприимчивость. Я после тихонько, в уголке, спросила, как это он мог рискнуть. Доктор ответил, что прекрасно знает, что нужно было делать в этом случае. Откуда?

– Может, мужу звонил?

Женщина отрицательно покачала головой:

– Он бы сказал. Кроме того, я решила уточнить, будет ли сделана соответствующая запись в истории болезни Натальи. Длинный доктор ответил, что это дело семейного врача из «Саномед». Попутно выяснилась одна деталь, – врач утверждает, что в их больнице, да и в любой другой, подобные записи скрепляются личной печатью врача, сделавшего запись, но не в коем случае не каким-то штампиком для рецептов.

– В их правилах сам черт ногу сломит.

Афиша на стене была в глаза яркостью красок и обилием улыбок. «Лица-шоу» в тридцать два зуба каждое. От сувениров, призов и ярких картинок рябило в глазах. Хозяин кабинета Алик Балаганов вылезал из черной футболки «Мы любим Нью-Йорк» во все стороны, как тесто из тесной квашни.

– А вы сами уверены, что это Анатолий Габер подменил карточку?

– Уважаемый господин Крон, мы с вами люди вроде не глупые. «Ищи, кому выгодно», так говорили юристы в прошлом. Толе выгодно.

Крон поднял правую бровь:

– Что же режиссер получил бы в результате вашей... смерти?

– Свободу. Это ценится больше, чем просто деньги. Толя смог бы проводить самостоятельную политику, выбирать репертуар, да просто укрепить свое положение. Вы что же, думаете, что в «Лицах» единое мнение по всем вопросам? У Габера свои сторонники, – Олег Воробьев, Нателла, многие из офиса.

– Первые двое участвуют в представлениях?

– Ай-я-яй. Ну конечно. Вы не бываете на наших концертах?

– Признаться, нет, – Крон потупил взор, словно его уличили в незнании таблицы умножения. Балаганов благодушно ухмыльнулся:

– Я приглашаю вас с семьей на ближайшую постановку, – «Волчара и семеро козлов», обохочетесь. Придете? Я закажу для вас билеты. Сколько?

Этот человек обладал талантом ставить собеседника в неловкое положение.

– Я не женат, так что...

– Приходите со своим коллективом. – Тут же нашел выход хозяин кабинета. – Умрете со смеху. Вся труппа занята.

- Вы, наверное, Волчара? – предположил гость, пожимая плечами.
- Ха-ха, вот именно. Такой, знаете, волчище, с золотой цепью и наколками на груди.
- Представляю себе. Но вернемся к нашим баранам. А если это не Габер?
- Может, и не он. – Балаганов энергично почесал грудь в том месте, где из-за ворота футболки торчали жесткие седые волосы.– А кто?
- Ваш бывший партнер Виктор Швець.
- Хозяин кабинета состроил удивленное лицо:
- Ой, побойтесь Бога. Виктор получил по первое число, сидит в своем Ганновере, и сюда носу не покажет. Слишком много за ним грехов, злые люди еще остались.
- Похоже, его видели в городе.
- Да не может быть. – Алик остался совершенно спокоен.– Кто и где?
- Крон равнодушно посмотрел поверх головы Алика на стену, где красовался портрет Чаплина, почему-то в раме золотого багета. Сказал:
- Он, или похожий на него человек был в тот день, когда вы чуть не погибли, в госпитале.

Врачи видели.

- Откуда бы врачам знать Виктора? – так же равнодушно поинтересовался Балаганов.
- Ваш лечащий врач опознал его по фотографии. Неуверенно, но сказал, что похож.
- Очень сомнительно. А что за фотография?
- Ксерокопия паспорта. Густые волосы, брови...
- Волосы... – протянул хозяин кабинета.
- Крон осведомился:
- Как себя чувствует ваша супруга?
- Не очень хорошо. Стресс, знаете ли. Погодите, неужели вы допускаете, что это Швець приехал на родину, дабы напасть на Наталью? Чепуха.
- Нападавший тоже имел шикарные брови, – напомнил Крон.
- Про брови не знаю, а вот густые волосы остались в прошлом. Во время суда Виктор начал стремительно лысеть, возможно, из-за переживаний. Говорят, уезжал с явными проблесками на темени. Так что...

Все утро Крон просидел в задумчивости, не реагируя на суету текущих дел и едва отвечая на проявления окружающей среды. Александра знала, что за ленивой позой мощного, тяжелого тела, под прикрытыми тяжелыми веками глазами скрыта лихорадочная работа мозга. Кусочки, необходимые для сборки модели уже собраны, – и теперь Крон подгонял детальки друг к другу, подпиливал края надфилем, подклеивал, с досадой выбрасывал ненужное.

Пообедали бутербродами с ветчиной, причем по обыкновению Болтик проглотил лишь ветчину с салатным листом, оставив на тарелке остальное. Затем он вызвал Глазика, дал ему указания, после чего усладил его по адресам. Некоторое время занял обзвон участников дела, которых Крон просил дать небольшие интервью. В списке оказались Алик Балаганов, семейный врач Скорик и Олег Воробьев, партнер Балаганова по шоу.

Затем он переговорил с подполковником Лунгулом.

– Слава, позволь Граберу присутствовать на передаче, – попросил он в трубку.

Затем долго слушал, поддакивая, потом продолжил:

– Не можешь, разреши ему встретиться с Глазиком. Мне всего-то нужно пять-семь минут чистого времени. Я буду тебе обязан.

Слушал еще долго, соглашался. Качал здоровенной башкой.

– Все это я тебе обещаю, – засмеялся и положил трубку.

Подмигнул Александре.

– Вот так с ними надо. Раньше в цирке говорили: «Дай заявку на двугорбого верблюда, даже если нужен одногорбый. Все равно срежут вполювину». Ты не знаешь эту байку? Слишком молода.

– Угу.

Крон не заметил иронии:

– И теперь мы можем компоновать передачу. Сначала дадим ролики с Балагановой и Аликом. Вразрез Габер. Поводком выведем на список подозреваемых. Компетентное мнение врача с медицинскими терминами. Нынешнее положение в городских больницах, чтобы у зрителя кровь застыла в жилах.

– Будто зрители не болеют.

– Одно дело лечиться в одиночку, другое, – обобщить проблему. Сама знаешь, так что не прерывай. Можно подтянуть сюда мнение еще одного врача, – да хотя бы того длинного из Люстдорфа, с которым ты недавно познакомилась.

– Не бойтесь перегрузить медициной передачу?

– А это твоя забота, сейчас сядешь писать сценарий. Так. Можно дать краткий юридический комментарий, – судебная история и отношения собственности. Сюда можно врезать этого Воробьева по поводу климата в коллективе.

– Так может, стоило мне с Глазиком в театр съездить. Глядишь, вытащила бы на свет что-нибудь скандальное.

– Поверь, Саша, я знаю, как ты умеешь это делать. Если бы твое присутствие в театре было нужно, ты бы двинула туда с Глазиком. Но это пустая трата твоего драгоценного времени. По поводу Воробьева и вообще «Лиц» мне все ясно. Надеюсь. Лебедь, рак и щука, – вот какие там отношения. Скоро эта контора развалится на части, но нам до этого дела нет. Бабочкой даю объявление злоумышленника. За работу!

Вечер пятницы. Святое время. На экране идет запись «Журналистского расследования».

В комнате совещаний накрыт стол для чаепития. Мерцает экран, на столе чашки, пирожные, конфеты. Самовар исходит жаром. Паша похож на мышонка, грызущего кусок сыра. Глазик дует на блюдечко с горячей жидкостью. Семен двумя пальцами держит чашку, слегка отстраняясь, дабы ни одна капелька не попала на идеальные брюки или жилет. Крон жует диабетическую конфету и смотрит в экран.

На экране тоже Крон, держит последнее слово. Уже показаны интервью, представлены вещественные доказательства. В свидетельском загончике сидят Скорик, Олег Воробьев, пострадавший Балаганов. Шоумен блеснит улыбкой в камеру.

– Подведем итоги, – рычит Болтик, общаясь к присяжным, разрисованным на заднике. – К моменту медицинского исследования в коллективе «Лица-шоу» сложилась нервная, нерабочая обстановка. Фракционность, интриги. Фокус с историей болезни мог попытаться проверить почти любой. В том числе и уважаемая супруга пострадавшего. Не обижайтесь, Алик, ваши семейные отношения далеки от идеала. Тем не менее, никто из близких господина Балаганова здесь не при чем. Не при делах и бывший партнер Виктор Швець. Думаю, он даже не догадывается, что сыграл роль в этой истории.

– Но его видели в госпитале, – возразил судья-ведущий. – Похожий на него человек напал на супругу.

– Вот именно, похожий. Это был случайный человек, под которого позднее стал маскироваться настоящий преступник.

– Тогда это режиссер?

– Нет, он тоже не виноват. Кстати, могу успокоить зрителей. Анатолий Габер сейчас освобождается из следственного изолятора. Ему будут принесены извинения.

– Тогда кто же покушавшийся? – поинтересовался ведущий, кося глазом на камеру.

– В том-то и дело, что покушения не было.

– А карточка?

– Карточка была подменена. Но после, а не до преступления. И сделал это человек, сидящий здесь.

Крон широким жестом указал на Скорика.

Тот побагровел.

– Сколько времени потрачено зря, – пожаловался Крон. – Мы впустую перелопатили весь навоз, прошу прощения еще раз, вокруг господина Балаганова, а дело было ясно с самого начала. Преступная врачебная халатность, допущенная семейным доктором Скориком и легочным врачом-диагностом Виртом. Более ничего.

– Но, – попробовал вмешаться в речь Скорик, но Крон только махнул в его сторону рукой. – Молчите, противно на вас смотреть. Лучше кратко отвечайте на мои вопросы. Вы не согласны, что ушли по своим делам на территорию госпиталя, забыв предупредить диагноста об аллергии пациента?

– Нет!

– Вы отказываетесь признать, что сам Вирт не поинтересовался этим?

– Нет! -Еще громче, чем в первый раз.

– И что после того, как Балаганов оказался в нокауте, или как там у вас называется это состояние, вы в панике неуклюже подделали медкарту собственного учреждения?

– Да нет же...

– У вас есть доказательства? – это судья.

– Они все время были перед нами. Собственноручные подписи Скорика, а их большинство в карточке, ПОДЛИННЫЕ. Остальные записи и подписи к ним подделаны Скориком и Виртом.

Он подошел к месту, где сидел Скорик, налившийся кровью и желтизной.

– Я только не понимаю, почему вы не использовали собственную печать, а взяли этот идиотский штамп для рецептов?! – заорал он прямо в лицо врачу. – Ранний маразм, доктор?

– Я ее потерял, – растерянно ответил врач.

– Опля, – растерянно сказал ведущий.

В небольшой аудитории началась истерика. Кто-то визгливо смеялся, кто-то кричал: «Он признался!», Балаганов вскочил на ноги и вопил нечто злое, тыча пальцем в своего семейного лекаря.

На Скорика было страшно смотреть. Его глаза вылезли из орбит. Если бы можно было, доктор запихнул бы свою последнюю реплику обратно в горло.

– Прошу, – спокойно сказал Крон, делая приглашающий жест в сторону от камеры. – Клиент ваш.

Александра стояла у края тротуара.

– Евгений Карлович, – с обидой сказала она. – Когда вы поняли, что это, – ошибка врачей?

– После твоего посещения Люстдорфской больницы. Мне было показалось странным, что Балаганов, такой грозный там, был тише воды и ниже травы при встрече со мной, ни одной претензии. А все это было чепухой, – простых врачей он брал голосом, а со мной счел не портить отношения, так как дело со штампом в столе Габера, – его рук дело. Если режиссер захочет это доказать, я с радостью помогу ему. Только думаю, Габеру выгоднее сейчас держать шефа за...

Болтик сморщил нос.

– ...воротник. Однако потом я стал анализировать то, что ты узнала в больнице. Когда ты узнала про печати. Когда ты присутствовала при точно такой же ошибке врача из Люстдорф-

ской, пусть и не приведшей к критическим последствиям. Ты увидела копию того, что случилось с Балагановым. Так что твои заслуги не переоценить.

– Не подлизывайтесь. Я опять выглядела душой, – сказала она. – Все эти дни. Мои гипотезы и предположения... Нельзя было шепнуть? Я никому бы не сказала.

– Я знаю, Саша, – уныло сказал Болтик. – Ну, люблю я внешние эффекты. Извини. Хотел предстать перед тобой в лучшем свете, а вот как получилось. Не дуйся. И вообще, пора отдыхать. Последние два дня были тяжелыми. Так что забудь про обиду, закрой свой прелестный ротик и иди домой. Нас ждет работа.

Она вздохнула:

– Мой рот можно закрыть только очень весомым аргументом.

И добавила тихо:

– Например, поцелуем.

Слишком тихо. Шеф ее слов не услышал. Он хлопнул дверцей машины и медленно двинулся прочь по переулку.

Крон и три мертвых любовника

Утренняя планерка «Журналистского расследования» началась не совсем обычно. Болтик начал не с обычного разноса, на что был горазд, а сообщил о хороших новостях. Он так и сиял.

– Господа, у нас новое дело, – провозгласил шеф, победоносно оглядев подчиненных орлиным взором. – Не дело, конфетка. Зритель пальчики оближет. Не какой-то местечковый междусобойчик, – смерть австрийского подданного.

– Ух, ты! – восхитился Паша, кося глазом в словарь английского языка, конспиративно лежавший на коленях. Сегодня вечером у него были занятия на курсах.

Глазик скептически опустил углы рта, и стал похож на здоровенную лягушку.

– Кто же убийца? – пародируя телевизионного английского сыщика, возвала к собранию Александра.

– Пока речь идет только о самоубийстве, – пояснил шеф.

– Ну, вот, – скорбно отозвался Глазик. – И что же здесь интересного?

– Дело мастера, – поделился Крон, – самоубийство представить преступлением. А мы мастера в своем деле. Найдется и убийца.

– Как зовут беднягу? – кисло улыбнулся Глазик.

– Адам Гальднер. Пулевое ранение в висок. Оружие найдено на месте выстрела.

– Звучит хорошо, – одобрила Александра, покатав фамилию во рту. – Для эфира подойдет. Так в чем там дело?

Яхтовая стоянка «Колумб», место прикола элитных частных судов, защищена со стороны моря мощным железобетонным молотом. От стены далеко в море уходят изъеденные волнами волнорезы. Мол под прямым углом охватывает акваторию значительной площадью, достаточной для постановки двух десятков судов разного водоизмещения. На морские просторы из стоянки ведет водная дорожка, сжатая с двух сторон сеточными ограждениями. Просвет достаточен, чтобы две средние яхты могли разминуться, не касаясь друг друга бортами.

Над «Колумбом» нависают высокие откосы парковой зоны, еще выше маячат верхушки новостроек, где квартиры по карману очень и очень немногим.

С берега на причал можно попасть по дороге, серпантинном спускающейся с откоса и упирающуюся в ворота. В верхнем начале подъездного пути в сезон проезд закрывает шлагбаум, управляемый дежурным милиционером. За воротами, что на въезде на стоянку, – будка охраны и въезд по пропускам.

Сегодня на море было небольшое волнение, отголосок вчерашнего шторма, но в искусственной бухточке гуляла лишь частая рябь, нервно качая несколько яхт, стоявших на приколе тут и там у четырех коротких причалов.

Ближний к выходу причал был пуст, его лизала жадная волна.

Крон заглушил мотор недалеко от ворот, под грозной надписью «Не членам клуба по территории только пешком», и бросил Александре:

– Смотри, они здесь хорошо устроились. Как у Бога за пазухой, не подберешься.

– Кто-то ведь подобрался, – отозвалась Александра, следуя за шефом. – Если только имело место убийство.

Они миновали калитку и Крон показал плотному охраннику, стоявшему у основания лесенки, ведущей в высокую будку, свое журналистское удостоверение.

Тот вежливо поздоровался и спросил:

– Желаете на яхту господина Гальднера?

– Именно. Как вас зовут?

– Жилин. Владимир Ильич.

Скажите, а вчера дежурили здесь вы?

– Да.

– Тогда, Владимир Ильич, нам надо поговорить с вами. А еще лучше, – приготовьте список гостей, посетивших Адама Гальднера, если они были. У вас есть записи?

Охранник подтянул живот:

– Безусловно. Не членов клуба мы отмечаем в специальном журнале.

– Вот и хорошо.– Крон ослабилась.– Кстати, а может гость указать одну яхту, а отправиться на другую?

– Практически невозможно, – по военному коротко отрапортовал Жилин.– С нашего пункта видно, кто куда идет.

– А когда вчера приехал Адам Гальднер? – вмешалась Александра.

– Да, пожалуй, с самого утра.

– Это его машина там?

– Да, рядом с входом на причал. А вот та, белая посудина, его.

– Ага. – Крон сделал шаг по причалу, вернулся, протянул охраннику купюру, и добавил:

– Мы осмотримся на яхте, а потом поговорим об этом, ладно?

Яхта «Сеадрим» была большой, белой и красивой. У схода сидел на пластиковом стуле и скучал сержант в форме. Поздоровавшись, он проверил документы у Крона и журналистки, и махнул в сторону трапа.

– Смотрите, – равнодушно сказал он.

Журналисты поднялись на палубу.

Яхту слегка покачивало. Стекла рубки неярко отсвечивали в сером свете пасмурного неба. Голые мачты, как пальцы, указывали вверх, на облака.

– Начнем, помолясь, – предложил Крон.– Осмотрись на палубе, может, что найдешь. Я поищу в каюте, где хозяин представился.

– Хорошо, Евгений Карлович.– Александра вдруг вспомнила, что хотелось спросить с самого утра.– Кстати, а кто наш заказчик?

Болтик запахнул ворот кожаной куртки:

– Инициаторов двое, – австрийское посольство в столице, озабоченное смертью своего подданного, и руководство агентской фирмы. Представителем судовладельца в портах Черного моря и был Гальднер. Деньги платит фирма, возможно, при участии супруги. Она, вероятно, третий инициатор нашего участия в расследовании. Как всегда, при согласии использования материалов в будущей передаче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.